

«ИЗВОЛЯТ ТЕШИТЬСЯ».

«Изволят тешиться» — так переводила подцензурная русская печать сороковых годов название известной драмы Виктора Гюго «Le roi s'amuse» («Государь забавляется»). Драма была проникнута сильным анти-монархическим настроением, в ней изображалась беззащитность чести «верноподданных» от посягательств коронованного самодержца; пьеса была запрещена тогдашним французским правительством, — немудрено, что благочестивая русская цензура того времени запретила даже при передаче заглавия драмы упоминать, что речь в ней идет о «высочайшей особе».

Когда самодержцы изволят тешиться, верноподданным приходится плохо. На верхах общественной лестницы люди чувствуют себя свободными от тех уз обычной морали, которые, худо ли, хорошо ли, сдерживают в «простых» смертных не вытравленные культурой инстинкты и которые у простых смертных поддерживаются условиями труда и жизни, развивающими в тех или иных, более или менее узких, пределах чувства человеческой солидарности; а сознание безнаказанности «самодержавного» положения эмансипирует венценосцев от спасительного страха перед людским «правосудием», воплощенным в полицейском чиновнике.

Благодать самодержавия — что бы ни говорили против этого славянофилы вроде Шарапова — благодать самодержавия не пребывает концентрированной в одном «помазаннике божием»; нет, эта благодать царским произволением переносится на всю армию «царских представителей» — от министра и губернатора до последнего урядника и жандарма. Каждый из них — носитель той божественной и безответственной самодержавной власти, источником которой является власть царя. Это положение еще недавно с полной определенностью провозгласили «Моск. Вед.» в передовой статье от 16 января. А при передаче самодержавной благодати на «царских представителей» переносится и свойственная самодержцам привычка «тешиться» за счет обывательской чести, обывательских слез, а подчас и обывательской жизни.

Десять слезцев назад на станции Тихорецкой разыгралась мрачная драма. Облеченный частицей самодержавной власти, следовательно Пуссеп арестовал по лживому обвинению в краже, изнасиловал и передал в распоряжение казаков и полицейских приглянувшуюся ему пассажирку Золотову. 6 мая несчастная «лишила себя жизни». 9 мая железнодорожные рабочие ст. Тихорецкой пытались сурово наказать гнусных убийц неизвестной им женщины. Произведенные ими «беспорядки» были подавлены начальством, суд, следовательно Пуссеп временно уехал с места, где так жестоко «потешился»

над одной из русских обывательниц. Но дело не заглохло. Бурное выступление тихорецких рабочих раз навсегда извлекло его из-под груди протоколов и донесений, которые должны были его похоронить.

Вслед за нелегальной печатью (см. № 22 «Искры») отозвалась и подцензурная. «Пет. Вед.» открыто объявила, что Золотова была незаконно арестована Пуссепом, что он же запретил ей снестись со своими родными, что он изнасиловал ее, после чего ею торговали станичные казаки, и что все это побудило ее к самоубийству.

Молчать было нельзя. Министерство юстиции выступило с категорическим опровержением утверждений «Пет. Вед.». Оно признало действия Пуссепа законными, рассказало, что покойная Золотова была проституткой, состоявшей под врачебно-полицейским надзором, что у нее в арестантской камере происходили попойки и оргии (так что, очевидно, ей сидеть было достаточно весело) и что виновные в беспорядках железнодорожные рабочие преданы суду.

Газета не сдалась. Посланный ею корреспондент собрал на месте новые данные и 16 января за полной подписью опубликовал результаты своего собственного дознания. С необычайной для нашей печати решительностью и смелостью кн. Андронников утверждает, что произведенное посланными м-ством юстиции чиновниками расследование было направлено к тому, чтобы схоронить все концы совершенного тихорецкими самодержцами преступления. Самое преступление, как теперь оказывается, еще более ужасно, чем предполагалось раньше: Золотова была замучена до смерти и ей влили в рот карболовую кислоту, чтобы симулировать самоубийство. Присланный для вскрытия (казенный!) врач заявил, что на теле нет никаких следов насилия, тогда как частные лица, видевшие труп, свидетельствуют о следах истязаний. Утверждение министерства, что Золотова была проституткой, кн. Андронников объявляет сознательной ложью; он выяснил, что Золотова нигде в списке проституток не занесена. Гг. следователи хотели «успокоить» публику насчет того, что жертва тихорецкой драмы не заслуживает вообще ее внимания, а для этого записали ее после смерти в сошное отверженных.

В горячей статье под названием «Нельзя молчать» «Спб. Вед.» требуют выяснения дела и наказания виновных. При этом газета констатирует, что хотя Пуссеп и возбудил обвинение в клевете против кн. Ухтомского, но всячески оттягивает разбор дела.

Неслыханный у нас факт обвинения газетой целого ведомства в сознательном укрывании следов преступления, совершенного одним из чиновников, прошел для газеты

безнаказанно *. Никакой кары со стороны цензурного ведомства. Появляется новое «правительственное сообщение».

Ни слова о том, была ли Золотова проституткой, как утверждалось в июне, или это — лживая выдумка. Ни слова о том, имел ли Пуссеп право задержать Золотову после снятия с нее показания и отказать ей в освобождении без залога. Перед нами только перечисление тех чиновников судебного ведомства, которые поочередно отправлялись для «перерасследования» уже якобы расследованного дела. Первое сообщение «Спб. Вед.» «вполне опроверглось доставленными в м-ство юстиции местным прокурорским надзором сведениями о результатах» трех расследований (по обвинению Золотовой в краже, по обвинению Пуссепа отцом Золотовой и по обвинению рабочих в учинении «беспорядков»). Однако «в видах всесторонней проверки газетных сообщений и слухов» министерство послало для нового расследования товар. прок. Петерб. палаты Зарудного, а сверх того произвели свои расследования «председатель и прокурор Екатеринодарск. окружн. суда, а равно и исправляющий должн. прок. Тифлисс. суд. палаты Лемерман». Целый букет служителей правосудия! И все в один голос утверждают, что действия Пуссепа были вполне законны, что Золотова — проститутка, покончившая с собой неизвестно почему, и что единственные преступники в тихорецкой драме — это железнодорожные рабочие. Все начатые расследования прекращены: одно — за смертью Золотовой, другое — за отсутствием состава преступления в действиях Пуссепа и только «дело о беспорядках рабочих на хуторе Тихорецком заканчивается и в непродолжительном времени будет направлено с обвинительным актом о предании суду лиц, избличенных в беспорядках». Все оформлено и округлено, но так как публика все же не верит правительственным сообщениям, то «хотя означенные (в «Пет. Вед.») указания находятся в полном противоречии с результатами произведенных по настоящему делу предварительных следствий и со всеми другими имеющимися в распоряжении мин. юстиции подробными и тщательно проверенными по сему делу сведениями», то министр «признал нужным в целях окончательного расследования» командировать на место еще двух чиновников и обещает опубликовать впоследствии все производство по новому следствию, т. е. новую ложь.

Для русской публики достаточно, однако, уже и того, что сделано. Не подлежит никакому сомнению, что весь аппарат бюрократической машины старательно занят сокрытием следов гнусного дела, произведенного одним из мелких носителей самодержавной благодати. Не останавливаясь перед такой подлостью, как позорение памяти своей несчастной жертвы, перед фальсификацией и явной ложью, чины м-ства юстиции в течение почти года «округляют» дело, так некстати извлеченное из области канцелярской тайны честным пролетарским порывом. Вокруг трупа замученной молодой женщины уже образовалась та густая сеть лжи, в которой неминуемо запутается всякий новый посланец министра, даже если бы таковой искренно желал «окончательно расследовать»

дело. Но о каком искреннем желании может идти речь у чиновника, который знает, что его высшее начальство провозглашает после новых разоблачений печати результаты старых следствий «тщательно проверенными»? Для министерства дело идет теперь о «сохранении престижа власти» во что бы то ни стало, и ради его сохранения новые следователи покажут новую ложь, совершат, если нужно, новые преступления.

И у общества нет никаких средств прорвать эту паутину лжи. У него нет ни парламента, через посредство которого могут быть притянуты к ответу носители благодати самодержавия, у него нет свободной печати, у него нет права схода. У него нет права громко кричать, когда совершилось преступление, затрагивающее самые интимные интересы самого мирного обывателя, когда перед ним стала воочию опасность, угрожающая чести и жизни каждого, имевшего несчастье подвергнуться нападению на большой дороге российского «правосудия».

Начальство «изволит тешиться». Потешившись досыта над выхваченной из толпы обывателей жертвой, оно продолжает свою потеху над ее трупом. Оно читит — для потехи — ряд «следствий», одно другого «полнее», одно другое подтверждающее — каждое, снабженное печатью более высокого по табели о рангах чиновника — и каждое следствие нагромождает на старую кучу лжи новую ложь, пополняет ряд служебных подлогов и лже-свидетельств — новыми, еще более бесстыдными. Для потехи правительственное сообщение хватается за ничтожную ошибку в газетной корреспонденции и заявляет, что никакой «дочери чиновника Золотовой» Пуссеп не арестовывал и что все сюда относящееся — утка — для того, чтобы затем заявить, что была им арестована «румынская подданная Золотова», которая украла какие-то вещи. Начальство продолжает тешиться — и возвещает всему миру, что эта Золотова была проституткой, и после смерти заносит ее в казенные списки женщин, состоящих под врачебным надзором. Начальство, улыбаясь, рассказывает, что Золотовой жилось в тюрьме совсем хорошо, о чем свидетельствует факт, что в ее камере казаки пили водку (те самые казаки, которые над ней надругались после судебного следователя и затем продавали ее по 40 к. любому желающему!). И веселость тешащего себя начальства доходит до сардонического хохота, когда оно «успокаивает» публику, что единственные обнаруженные по трем следствиям виновные — ж.-д. рабочие — вскоре предстанут перед судом.

Начальство изволит тешиться, и обыватель, у которого есть жена, сестра или дочь, лишен всяких законных средств отстаивать себя против этой громадной орды любителей потехи. А к средствам «незаконным» буржуазный обыватель питает либеральное отвращение.

Вот тихорецкие пролетарии — те не замедлили вмешаться в «естественный ход вещей», когда услышали о происшедшем злодеянии. Не в пример просвещенным людям во фраках и перчатках, эти люди в рабочих блузах без всяких экивоков представили агентам самодержавия счет за загубленную человеческую жизнь. Они манифестировали на могиле замученной жертвы и разгромили казенные здания глухого поселка, — счастье г. Пуссепа, что он успел во время ускользнуть из рук грозной народной толпы. Но мужественное выступление тихорецких пролетариев осталось одиноким. Люди во

* Циркуляром от 17 января газетам запрещено перепечатывать сообщ. «Спб. Вед.» и вообще говорить о деле Золотовой.

фраках и перчатках не отозвались на громко заявленный протест. И безвестные рыцари, вступившиеся за поруганную честь незнакомой им женщины, теперь в руках тех самых Пуссепов, тех самых убийц и фальсификаторов судебного и жандармского ведомств, против которых они демонстрировали. Они — на скамье подсудимых и тюрьма для них, разорение для их семей — вот та награда, которая ждет их бескорыстный поступок. Но еще до суда они успели понести жестокую кару. 9 мая тихорецкие рабочие подняли свой голос в защиту неприкосновенности личности. 15 ноября те же тихорецкие рабочие — и опять бескорыстно — демонстрировали во имя классовой солидарности: поголовной стачкой они выразили свое сочувствие ростовским рабочим. Башибузуки самодержавия сразу отплатили рабочим за оба протеста. После бойни 17 ноября (6 убитых и несколько десятков раненых) казаки произвели разгром Тихорецкого поселка. Пролетарии протестовали в мае против изнасилования башибузуками женщины из общества, теперь — в ноябре — казаки насиловали и убивали жен и дочерей пролетариев (см. «Искру» № 30). Судя по всем сообщениям в печати, то, что происходило в ноябре на Тихорецкой, превышает все доселе совершенное «христолубивым воинством». И те из рабочих, которые избежали суда по делу Золотовой, теперь будут преданы суду за то, что защищались от казачьих насилий.

Жертвы гнуснейшего из самодержавий, те и другие займут свое место на скамье подсудимых с поднятым челом. Они исполнили свой долг. Исполнит ли свой русский «общество», за высшие интересы которого боролись эти «темные» пролетарии? Поддержит ли оно своим бескорыстным сочувствием и материальной помощью тех, кто ценой своей свободы протестовал против «разбойнической» моды начальства, которое изволит тешиться?

[Л. Мартов]

НОВЫЙ ПОХОД Г. ФОН-ПЛЕВЕ.

(По поводу юбилейно-программной речи мин. вн. дел.)

Старый заплочных дел мастер заговорил о предстоящих «реформах» чуть ли не слогом либерала «Русск. Вед.». В ближайшем будущем, видите ли, предстоит серьезное «крестьянское преобразование» «по образцу, завещанному нам эпохой составления крестьянского положения 1861 года».

«Было бы, — скромничает Плевелю, — легкомысленным самонимением полагать, что с этими вопросами министерство вн. дел может справиться своими силами; оно желало бы внести свой труд, как лепту, в сокровищницу всех творческих духовных сил страны». К работе «будут привлечены лучшие знатоки крестьянского дела на месте».

Будут «привлечены»? Очень пикантное, по нынешним временам, слово! Не напомним ли двусмысленное выражение о гг. Бунакове, Мартынове, Щербине, Новикове и других¹, которые за лепту, внесенную ими «в сокровищницу духовных сил страны», были мин. вн. дел (по департаменту гос. полиции) «привлечены»... по всей строгости статей Улож. о наказаниях!

Но российские общественные деятели одарены удивительным бесстыдством, если они реакционны, и удивительной незлопамятностью, когда они либеральны. Крат-

кость «тронной» речи Плевелю позволила российской печати, живущей выморочными темами, проявить бездну находчивости и остроумия в толковании посулов министра. Либералы толкуют их либерально, реакционеры — реакционно. «Боже! — умиляется «Нов. Время», — что может сделать со скучными людьми надежда, хотя бы обманчивая, как сон!»

Подойдем, однако, к надежде ближе. «Престарелый» писатель К. Ф. Головин следующим образом представляет себе «единение» между страной и управляющим Петербургом.

«Губернские предводители дворянства и выборные от земских собраний, по два от каждого, составили бы «контингент в 130 лиц приблизительно, вполне достаточный для образования совещательных учреждений при трех министерствах, заведующих экономическими вопросами, т. е. при министерствах вн. дел, финансов и земледелия». Это — увенчание здания. А «на местах, в самой губернии нужно создать инстанцию смешанного состава, где действовали бы заодно выборные и административные лица» под компетентным председательством гг. губернаторов.

Этот объединительный проект, представляющий вариацию лорис-меликовской «конституции»² (конституцией она, как известно, называется потому, что имела своей задачей спасти самодержавие от конституционных ограничений), этот счастливый плод политического шарлатанства встретил теплый прием у г. Сигмы, у первой скрипки суворинского оркестра. Побольше дружелюбия, побольше веры в «государственный смысл сословий» — и расколотая Русь объединится, зло сменится добром, а «идея самодержавия получит новый ореол в стране, население которой инстинктивно стремится приблизиться к своему государю».

Не нужно, конечно, думать, — пресмыкается другой «из стаи славных», — что «сведущие люди» могут действительно чему-нибудь научить гг. министров. Где уж!.. Но у каждого человека существует неодолимое требование посмотреть, что выходит из его работы. Оказывается, что «и бюрократы не свободны от этой потребности». Из этой бюрократической общечеловеческой черты и исходит будто бы идея призвать к трем министерским тронам 130 «сведущих людей».

Смысл этой грубой «политики» ясен: существуют строптивые общественные силы. Попробуем их усмирить: орудиями репрессии не оскудела царская десница. Они не усмиряются. Попробуем их политически подкупить. Пошлем к рабочим Зубатова, к студентам — Ванновского, к земцам — Плевелю. «Привлечем» земских вождей в недра министерских канцелярий, если понадобится, оплатим их «совещательный» труд, развратим их гражданскую совесть чинами, усыпим их оппозиционную честь орденами... и вчерашние земские строптивцы превратятся в прихвостней «подлежащих» ведомств. В итоге — животовное единение власти с «творческими силами страны».

Разумеется, этот проект не что иное, как попытка г. Плевелю обокрасть общество. Но попытка с негодными средствами. Ибо от того, что ничтожная доля земщины уйдет (если уйдет) в опричину, не исчезнет бездонная пропасть между русским самодержавием и русским народом.

[Н. Троцкий]

НУЖНА ЛИ «САМОСТОЯТЕЛЬНАЯ ПОЛИТИЧЕСКАЯ ПАРТИЯ» ЕВРЕЙСКОМУ ПРОЛЕТАРИАТУ.

В № 105 «Последних Известий» (от 28/15 января 1903 г.), издаваемых «Заграничным Комитетом Всеобщего Еврейского Рабочего Союза в Литве, Польше и России», в статейке «По поводу одной прокламации» (именно прокламации Екатеринославского Комитета Росс. С.-Д. Р. П.), мы находим следующее столь же удивительное, сколько важное и поистине «чреватое последствиями» утверждение: «еврейский пролетариат сложился (sic!) в самостоятельную (sic!) политическую партию Бунд».

Мы этого до сих пор не знали. Это новость.

До сих пор Бунд был составной частью Росс. С.-Д. Р. П. и еще (еще!) в № 106 «Посл. Изв.» мы встречаем заявление Центрального Комитета Бунда с заголовком на этом заявлении: «Росс. С.-Д. Р. П.». Правда, Бунд постановил на своем последнем IV съезде изменить свое название (без оговорки о желании выслушать мнение русских товарищей по вопросу о названии той или иной части Росс. Соц.-Дем. Р. П.) и «провести» новые федеративные отношения в устав рос. партии. Заграничный Комитет Бунда даже и «провел» уже эти отношения, если можно назвать этим словом его выход из заграничного Союза русс. с.-д. и заключение федеративного договора с этим союзом.

Но сам же Бунд, когда «Искра» полемизировала с решениями его IV съезда, заявил совершенно определенно, что он намерен лишь провести в Росс. С.-Д. Р. П. свои желания и решения, т. е. прямо и категорически признавал, что остается частью Росс. С.-Д. Р. П. впредь до принятия этой партией нового устава, впредь до выработки ею новых форм отношений к Бунду.

И вдруг теперь оказывается, что еврейский пролетариат сложился уже в самостоятельную политическую партию! Повторяем еще раз: это новость.

Такой же новостью является грозное и неумное нападение З. К. Бунда на Екатеринославский Комитет. Мы получили, наконец (хотя, к сожалению, с большим опозданием), эту прокламацию и, не колеблясь, скажем, что нападение на такую прокламацию представляет из себя, несомненно, крупный политический шаг со стороны Бунда*. Этот шаг находится в полном соответствии с объявлением Бунда самостоятельной политической партией и проливает, с своей стороны, много света на физиономию и образ действий этой новой партии.

К сожалению, недостаток места мешает нам воспроизвести целиком Екат. прокламацию (она заняла бы около двух столбцов «Искры»**), и мы ограничимся замечанием, что эта прекрасная прокламация превосходно разъясняет еврейским рабочим города Екатеринослава (мы сейчас объясним, почему мы подчеркиваем эти слова) соц.-демокр. отношение к сионизму и антисемитизму. При этом прокламация настолько заботливо, товарищески заботливо относится к чувствам, настроениям и желаниям евр. рабочих, что специально оговаривает и подчеркивает необходимость борьбы под знаменем Росс. С.-Д. Р. П. «даже для сохранения и дальнейшего развития вашей (прокламация обращается к евреям-рабочим) национальной культуры», «даже в интересах чисто национальных» (подчеркнуто и набрано курсивом в самой прокламации).

И тем не менее З. К. Бунда (мы чуть не сказали: Ц. К. новой партии) обрушился на эту прокламацию за то, что она ни словом не упоминает о Бунде. Вот ее единственное, но зато непростительное, ужасное

* Если, конечно, З. К. Бунда в этом вопросе выражает взгляды «Бунда» как целого.

** Мы намерены перепечатать целиком эту прокламацию и нападение на нее З. К. Бунда в брошюре, подготовляемой нами к печати.

ПРОЛЕТАРИАТ И КРЕСТЬЯНСТВО.

III. Пролетариат и крестьянство «на Западе».

(Продолжение.)

Мы видели, что по учению Маркса разделение общества на классы обуславливается существующими в нем производственными отношениями, и что с точки зрения этих отношений пролетарий совсем не то, что мелкий самостоятельный производитель ремесленник или крестьянин. И теперь нам легко решить, много ли правды в словах г. Виктора Чернова, который в статье: «Крестьянин и рабочий как категории хозяйственного строя» развязно утверждает, что в своем взгляде на крестьянина Маркс гораздо ближе к оппортунисту Фольмару³, чем к «ортодоксальному марксисту Каутскому»*. Г. В. Чернов ссылается на те слова Маркса, что в руках мелкого крестьянина земля есть простое средство производства. Он не понимает того, что в глазах автора «Капитала»

* Излишне прибавлять, что взгляд Фольмара представляется г. В. Чернову очень близким по взгляду на крестьянство наших субъективистов и народников. В аграрном вопросе все симпатии этих господ принадлежат Фольмарам, Бернштейнам, Герцам и прочим жрецам оппортунизма.

именно это обстоятельство — обладание средствами производства — и составляет признак, не позволяющий причислить крестьянина — и вообще мелкого производителя — к одному классу с пролетарием. По Марксу, земля в руках мелкого крестьянина есть не только простое средство производства; в этих руках она является самым главным средством производства, необходимым полем крестьянского труда и капитала. Г. В. Чернов не заметил этого неприятного для него словечка, — «капитала», — а его полезно было бы заметить: оно уясняет, каким образом крупный капитал может эксплуатировать мелкого крестьянина. Маркс хорошо знал факт такой эксплуатации, но он столь же хорошо знал и то, в чем она заключается. А заключается она в том, что крупный капитал ухитряется тем или другим способом отнять у крестьянина ту прибавочную стоимость, которую при других, более благоприятных условиях получил бы этот последний, как обладатель необходимой для производства подвижности и недвижности, как «мелкий капиталист» и «земледелец»*. И вот почему крестьянин, подвер-

* Ср. стр. 339 и 340 второй части третьего тома «Капитала».

преступление. Вот почему Ек. Ком. обвиняется в недостатке «политического смысла». Ек. товарищи караются за то, что они не «переварили все еще мысли о необходимости отдельной организации (глубокая и важная мысль!) сил (!) еврейского пролетариата», за то, что они «все еще носятся с бессмысленной мечтой как-нибудь от него (Бунда) отделаться», что они распространяют «не менее вредную (чем сионистская) сказку» о связи антисемитизма с буржуазными, а не рабочими силами и интересами этих слоев. Вот почему Ек. Комитету советуют «бросить вредную привычку замалчивать самостоятельное еврейское рабочее движение» и примириться с фактом существования Бунда.

Спрашивается теперь: действительно ли есть преступление со стороны Ек. Ком.? действительно ли следовало ему непременно упомянуть о Бунде? На эти вопросы можно ответить только отрицательно по той простой причине, что прокламация обращена не к «евреям-рабочим» вообще (как обозначает ее совершенно неверно З. К. Б.), а к «еврейским рабочим г. Екатеринослава» (З. К. Бунда позабыл цитировать два последних слова!). В Екатеринославе нет никакой бундовской организации. (И вообще относительно юга России IV съезд Бунда постановил отдельных комитетов Бунда не устраивать в тех городах, где еврейская организация входит в состав комитетов партии, где их нужды могут быть вполне удовлетворены без выделения из этих комитетов). Раз еврей-рабочие не организованы в Екатеринославе в особый комитет, то, значит, их движение (нераздельно со всем рабочим движением данной местности) ведает всецело Ек. Ком., который непосредственно соподчиняет их Росс. С.-Д. Раб. Партии, который должен звать их к работе на всю партию, а не на отдельные части ее. Очевидно, что при таких условиях Ек. Ком. не только не обязан был упоминать о Бунде, а напротив, если бы он вздумал проповедывать «необходимость отдельной организации сил (это была бы, вернее

и вероятнее, организация бессилия * еврейского пролетариата» (чего хотят бундовцы), то это было бы с его стороны величайшей ошибкой и прямым нарушением не только устава партии, но и интересов единства пролетарской классовой борьбы.

Далее. Обвиняется Ек. Ком. в недостатке «ориентированности» в вопросе об антисемитизме. З. К. Бунда обнаруживает поистине ребяческие воззрения на крупные социальные движения. Ек. Ком. говорит о международном антисемитическом движении последних десятилетий и замечает, что «из Германии это движение перекечовало в другие страны и повсюду нашло сторонников именно среди буржуазных, а не рабочих слоев населения». «Это не менее вредная сказка» (чем сионистские сказки), выпаливает совсем сердито З. К. Б. Антисемитизм «пустил корни в рабочей массе», в доказательство чего «ориентированный» Бунд приводит два факта: 1) участие рабочих в ченстоховском погроме и 2) поступок 12 (двенадцати!) рабочих-христиан в Житомире, которые заняли места стачечников и грозили «вырезать всех жидов». Доказательства, действительно, веские, особенно последнее! Ред. «П. И.» так привыкла оперировать с крупными стачками в 5 или 10 чел., что поступок 12 темных рабочих в Житомире вытаскивается для оценки связи международного антисемитизма с теми или другими слоями населения! Это, право, великолепно! Если бы бундовцы, вместо своего неумного и смешного гнева против Ек. Ком., подумали

* Именно такому делу «организации бессилия» служит Бунд, употребляя, напр., выражение: наши товарищи из «христианских рабочих организаций». Это так же дико, как и вся выходка против Ек. Ком. Мы никаких «христианских» рабочих организаций не знаем. Организации, принадлежащие к Росс. С.-Д. Р. П., никогда не делали различия между своими членами по их религии, никогда не спрашивали об их религии и никогда не будут делать этого, — даже и тогда, когда Бунд на самом деле «сложится в самостоятельную политическую партию».

гающийся такой эксплуатации, восстает, — как мы сказали в предыдущей статье, — не против частной собственности на средства производства, а только против тех неблагоприятных для него условий, которые мешают ему воспользоваться преимуществами своего положения, как собственника. Вот почему он склоняется не к социальной революции, а к социальным реформам, которые ограничили бы власть крупного капитала и вообще замедлили бы ход экономического развития современного общества. Короче, вот почему его положение делает его не революционером, а консерватором или даже реакционером. Революционером он делается только тогда, когда, — отчаявшись в возможности защитить или вернуть свою экономическую независимость, — переходит на точку зрения пролетария и стремится уже не отстаивать мелкую собственность на средства производства, а устранить присвоение этих средств частными лицами.

Указанная нами статья В. Чернова напечатана в сборнике «На славном посту», посвященном г. Н. Михайловскому по случаю сороковой годовщины его литературной деятельности. Таким образом, статья является как бы «вещественным выражением невещественных отношений». И, признаемся, нас поражает мысль г. Чер-

нова снабдить фальшивой ссылкой на Маркса литературный подарок юбиляру. Неужели г. Михайловский не заслуживает правдивого приношения? Правда и то, что г. В. Чернову невозможно было обойтись без фальшивой ссылки: слишком уж слаба его теоретическая позиция. Но если г. Михайловский удосужился прочесть третий том «Капитала», — что кажется нам, впрочем, довольно невероятным, — то он и сам, конечно, заметил фальшь и, наверно, очень огорчился ею: она должна была лишний раз напомнить ему о том, что дело, которое он защищал так долго и так упорно, в сущности безвозвратно проиграно. Уместно ли, деликатно ли было наводить маститого юбиляра на такие безотрадные размышления?

Но оставим г. Чернова «на славном посту» его фальшивой ссылки и вернемся к нашей теме. Постараемся пояснить наши общие положения несколькими отдельными примерами.

Возьмем сначала ремесленников, этих типичных представителей мелкого производства в области обрабатывающей промышленности. Их положение в Германии, как и во всем цивилизованном мире, становится все более и более затруднительным: крупный капитал беспо-

немного над этим вопросом и справились хотя бы с изданной ими недавно на жаргоне брошюрой Каутского о социальной революции, то они поняли бы несомненную связь антисемитизма с интересами именно буржуазных, а не рабочих слоев населения. Подумав еще немного, они могли бы сообразить и то, что общественный характер современного антисемитизма не изменяется от факта участия в том или ином погроме не только десятков, но и сотен неорганизованных и на девять десятых совершенно еще темных рабочих.

Ек. Ком. восстал (и законно восстал) против сказки сионистов о вечности антисемитизма, Бунд же своей сердитой поправкой только запутал вопрос и посеял среди еврейских рабочих идеи, ведущие к затемнению их классового сознания.

С точки зрения борьбы всего рабочего класса России за политическую свободу и за социализм, выходка Бунда против Ек. Ком. есть верх неразумия. С точки зрения «самостоятельной политической партии Бунда» выходка эта становится понятной: не смейте нигде организовать «еврейских» рабочих вместе и нераздельно с «христианскими»! не смейте от имени Росс. С.-Д. Р. П. или ее комитетов обращаться к еврейским рабочим прямо, «мимо ряду», не через посредство Бунда, без упоминания о Бунде!

И, ведь, этот глубоко-прискорбный факт — не случайность. Раз вместо автономии в делах, касающихся еврейского пролетариата, вы потребовали «федерации», вам пришлось объявить Бунд «самостоятельной политической партией», чтобы иметь возможность провести эту федерацию во что бы то ни стало. Но объявление Бунда самостоятельной политической партией есть именно то доведение до абсурда основной ошибки по национальному вопросу, которое непременно и неизбежно послужит исходным пунктом поворота в воззрениях еврейского пролетариата и еврейских социал-демократов вообще. «Автономия» устава 1898 г. обеспечивает еврей-

скому рабочему движению все, что может быть ему нужно: пропаганду и агитацию на жаргоне, литературу и съезды, выставление особых требований в развитие одной общей с.-дем. программы и удовлетворение местных нужд и запросов, вытекающих из особенностей еврейского быта. Во всем остальном необходимо полное и теснейшее слияние с пролетариатом русским, — необходимо в интересах борьбы всего пролетариата России. И неосновательна, по самому существу дела, боязнь всякого «майоризирования» при таком слиянии, ибо от майоризирования в особых вопросах еврейского движения гарантирует именно автономия, а в вопросах борьбы с самодержавием, борьбы с буржуазией всей России мы должны выступать как единая, централизованная, боевая организация, мы должны опираться на весь пролетариат, без различия языка и национальности, сплоченный совместным постоянным решением теоретических и практических, тактических и организационных вопросов, не создавать отдельно идущих, каждая своим путем, организаций, не ослаблять силы своего натиска дроблением на многочисленные самостоятельные политические партии, не вносить отчужденность и обособленность, с тем, чтобы потом лечить искусственно привитую себе болезнь пластырями пресловутой «федерации».

[Н. Ленин]

ПИСЬМО В «ИСКРУ».

Мы прочли в № 10 «Революционной России» сообщения «Боевой Организацией» данные относительно участия в ней С. В. Балмашева. Из этого номера мы узнаем, что «в сентябре 1901 г. боевая организация была совершенно сформирована, тогда же было решено убить Сипягина и Победоносцева и им был послан смертный приговор; «когда члены организации, которые должны были произвести нападение, были уже намечены, поступило (в сентябре

чадно отнимает у них одну позицию за другою. Они недовольны, они ропшут, им хочется завоевать себе лучшее будущее. Но что же делают они с этою целью? Они стараются замедлить ход экономического развития. Их социально-политические программы насквозь проникнуты консервативным, — более того: реакционным духом. Чтобы не идти «в глубь времен», укажем хоть на программу существующего с 1882 г. «Всеобщего немецкого союза ремесленников»: от нее несет средними веками. С другой стороны, неоспорим тот факт, что в рядах немецкой соц.-демократии встречается немало ремесленников. Но эти ремесленники уже не защищают интересов мелкой собственности: они уже покинули точку зрения мелкого самостоятельного производителя и перешли на точку зрения пролетария.

Теперь обратимся к земледельцам. Северо-американские фермеры давно уже чувствуют, что их дело обстоит не очень благополучно и давно уже пытаются объединиться в борьбе против крупного капитала. Очень интересной и, в свое время, довольно влиятельной организацией фермеров является союз т. н. «Patrons of Husbandry» или «Grangers» («фермеров» или «земледельцев»). Наивысшей точки своего процветания эта

организация достигла, повидимому, около 1876 года, когда ей принадлежало пять пароходов, тридцать два элеватора и двадцать два магазина для склада товаров. Она охотно называла себя рабочей организацией* и находилась в дружественных сношениях с так наз. «Рыцарями Труда». Но ее программа не заключала в себе даже и намека на необходимость устранения капитализма. Напротив, в ней категорически сказано: «Мы не враги капитала, но мы восстаем против тирании монополий»**. И это понятно: крупный капитал подчиняет себе фермера не в процессе производства продуктов, а в процессе их обращения, а также в области кредита. Поэтому и усилия «Гренджеров» направились не против производственных отношений, свойственных капиталистическому обществу, а только против некоторых капиталистических «монополий», касающихся кредита, перевозки товаров и торговли ими. Илья надеется, что сближение «деревни с городом» сообщит рабочему движению «здоровый консерватизм» (там же, стр. 73 — 74). Он прав

* М. R. Ely. «The Labour Movement in America». New-York, pp. 178 and 73.

** Там же, стр. 74.

1901 г.) [курсив наш. Киев. Ком.] предложение принять нового члена на активную роль — С. В. Балмашева» («Р. Р.», № 10, стр. 27). «Свидание члена организации со С. В. произвело на первого сильное, неотразимое впечатление». «При первом же свидании выяснилось, что один из предназначавшихся к нападению должен был уступить на время свой мученический венец Ст. Вал-чу».

В №№ 20, 23 и 24 «Искры» помещены статьи, в которых высказывается принципиальное осуждение террору, как партийному средству борьбы с произволом и беззаконием, и мимоходом выражено сомнение в правильности того освещения единоличного террористического акта Балмашева, какое дает ему «Боев. Орг.», как акту боевому, партийному; в статьях этих «Искра» заявляет, что утверждение «Боевой Орг.» о принадлежности к ней Балмашева покоится «на догадках и предположениях, неизвестно на чем основанных», и что «принадлежность Балм. к этой организации... более чем сомнительна».

Эти статьи «Искры» и в особенности выраженное ею сомнение в принадлежности Балмашева к фиктивной на наш взгляд «Боевой Организации» крайне возмутили «Рев. Росс.». В № 11 этого издания помещены по этому поводу: статья «Беспримерный поступок» (так аттестуется поступок «Искры»), протест против «Искры» саратовской объединенной группы с.-р.-ов и с.-д.-ов, статья «по поводу полемики «Искры» и постановление центрального комитета партии с.-р.-ов». Авторы всех этих статей и постановлений не скупятся на выражения, порицающие образ действия «Искры», во всех этих статьях подтверждается принадлежность Балмашева к «Боевой Орг.» и, в заключение, предлагается соц.-дем. комитетам «подтвердить или с негодованием отвергнуть всякую солидарность с поведением этого органа».

Киевский соц.-дем. Комитет охотно принимает это приглашение откликнуться, так как, помимо удовольствия лишний раз подтвердить свою солидарность с «Искрой», он рад случаю сообщить некоторые сведения о жизни С. В. Балмашева в Киеве в последние месяцы перед убийством Сипягина. Комитет делает это не для того, чтобы изобличить «Боев. Орг.» и «Рев. Рос.» в мистификации, а чтобы защитить «Искру» от неосновательных обвинений, доказать законность ее сомнений в принадлежности Балмашева к «Боевой Орг.» и добавить несколько данных к характеристике такого выдающегося и самоотверженного человека, каким был Балмашев.

В октябре и ноябре 1901 г., т. е. значительно позднее того, как, по уверению «Боевой Организации», Балмашев предложил ей себя «на активную роль», Киев. Ком. С.-Д. Р. П. велись переговоры по поводу просьбы Балмашева о принятии его и пятерых его друзей в Комитет на правах пропагандистов. Тому лицу, через которого Балмашев вел переговоры с Комитетом, он передал собственноручно написанный им список кандидатов в пропагандисты с обозначением их адресов и указанием на предстоящую революционную деятельность каждого из них. В конце списка сообщалось, что перечисленные в нем лица признают начала международной соц.-дем. и предлагают вести пропаганду среди рабочих, руководствуясь общими принципами научного социализма. То же самое заявлялось им и в устных беседах. Вопрос о принятии Балмашева и его друзей затянулся, так как первые же попытки поближе познакомиться с ними не увенчались успехом: когда член Комитета явился по одному из указанных в списке адресов и познакомился со студентом, отрекомендованным Балмашевым, то из разговора с ним относительно основных положений соц.-дем. программы выяснилось, что он далеко не разделяет всех ее положений и приближается по своим взглядам к соц.-революционерам.

Балмашев и его товарищи показались Комитету слишком молодыми, экспансивными и не подходящими для успешного исполнения соц.-дем. повседневной работы требующей, помимо непримиримого идеализма, значительной опытности, конспиративности и революционной выдержки. Поэтому приблизительно в конце ноября вопрос о принятии Балмашева и его товарищей в Комитет в качестве пропагандистов был решен в отрицательном смысле (о чем после его покушения и было сообщено «Искре»). Вскоре после того Балмашев уехал из Киева.

Насколько нам удалось познакомиться с этим героически-самоотверженным юношей, нам представляется совершенно невероятным то освещение, какое дает его личности «Рев. Росс.», и то громадное значение, какое она приписывает «Боевой Орг.» в деле 2 апреля. Общее впечатление от ее писаний получается такое, что центральным лицом в деле 2 апреля является вовсе не Балмашев, а сама «Боевая Орг.»: она решила убийство Сипягина еще в сентябре 1901 г., один из ее членов уступил «на время свой мученический венец С. В-чу», ею выбран момент для убийства, ею выработан до мельчайших подробностей план его, ее участие гарантировало успех покушения... Балмашев же представлен какой-то пешкой в руках «Боевой

в том смысле, что, пока фермеры не покинут точки зрения мелкого производителя и не перейдут на точку зрения пролетария, их сближение с рабочими будет замедлять успехи социализма. Вся история рабочего движения в С.-Американских Штатах подтверждает это как нельзя лучше.

А что мы видим в нашей старой Европе? Гг. «критики» Маркса усердно твердят, что экономическая и социально-политическая жизнь западно-европейской деревни резко противоречит марксовой «догме». Посмотрим же, верно ли это в применении к безусловно - «ортодоксальной» догме, лежащей в основе всей нашей статьи.

Как ведут себя, напр., немецкие «крестьянские союзы»? Каковы их программы? Каково их отношение к освободительному движению пролетариата? Эти союзы тоже борются с «монополиями» капитала в области товарного обращения и кредита и в то же время всеми силами защищают «монополию» частной собственности. Их социально-политические тенденции достаточно характеризуются тем, что во многие из них закрыт доступ евреям и пролетариям*.

* Georges Blondel: «Études sur les Populations Rurales de l'Allemagne». Paris, 1896, pp. 239, 241.

А Франция? Здесь очень распространены сельскохозяйственные синдикаты, громадное большинство членов которых состоит из крестьян. Но эти организации, за ничтожными исключениями, легко объяснимыми нашей «догмой», чужды всякой мысли о революционной борьбе с капиталом, т. е. об устранении капитализма и замене его социализмом. С этой стороны они могут служить образцами мелкобуржуазной умеренности и консервативного благоразумия. И потому французские охранители видят в них лучший оплот против социализма*.

Но есть же в Зап. Европе такие счастливые уголки, в которых крестьяне оказываются очень доступными для социалистической пропаганды и агитации? Разве крестьяне не пристают к социалистам в Венгрии и Италии? И разве г. Юрий Гардени⁴ не показал нам, что социалистическое движение между итальянскими и венгерскими крестьянами в пух и прах бьет относящуюся к крестьянскому вопросу «догму» марксистов**?

* «Les Syndicats agricoles et leur oeuvre» par le Cte de Rocquigny. Paris, 1900, p. 392.

** См. его статью: «Чему нас учит социалистическое движение в Венгрии и Италии» во второй книжке «Вестника Русской Революции».

Орг.», каким-то персонажем «на активные роли», который с трепетом ждет приказа... На деле, вне всякого сомнения, центральным лицом всего этого события был С. В. Балмашев, всей своей предшествовавшей жизнью и борьбой, которую он вел как студент русского университета, с психологической неизбежностью пришедший к осуществлению им решению. Несомненно, что без посторонней помощи он обойтись не мог, и около него — личности сильной и убежденной — немедленно образовался соответствующий антураж из склонных к террору лиц; они раздобыли ему деньги, заготовили листок, помогали советом и нравственной поддержкой; но от этого, понятно, еще далеко до той роли, какую приписывает себе «Боевая Орг.» в ущерб значению Балмашева.

Киевский Комитет Р.-С.-Д. Р. П.

Р. С. Присылая настоящее фактическое сообщение, Киевский Комитет просит «Искру» прекратить всякую полемику с с.-р.

От редакции. В свою очередь, мы надеемся, что инцидент с «Боевой Организацией» настоящими заявлениями Киевского Комитета и саратовских товарищей вполне исчерпан.

НЕКОТОРЫЕ ФАКТЫ О СТЕПАНЕ ВАЛЕРИЯН. БАЛМАШЕВЕ.

Самоотверженный поступок Степ. Валер. Балмашева возбудил и всколыхнул русское общество. Понятый как акт индивидуальной воли, он возбудил симпатии всех, кто угнетен и возмущен игом деспотизма, даже принципиальных врагов террора — соц.-демократов. При современных русских условиях являются весьма понятными и даже неизбежными как подобная форма мщения оскорбленной в лучших чувствах личности, так и такое широкое сочувствие. Понятно также, что таким актам мщения особенно должна радоваться та группа людей, которая называет себя «соц.-рев.» и признает как индивидуальный, так и организованный террор, как средство политической борьбы. Но является несколько непонятным то недоразумение, в которое ввели общество соц.-революционеры, назвав С. В. Балмашева своим и приписав ему не индивидуальные действия, а действия от организации соц.-рев. Это недоразумение до сих пор не разъяснено окончательно, и

будет нелишним привести по этому поводу несколько фактов, насколько это возможно пока по различным причинам.

Факты, которые будут изложены, касаются времени, когда С. В. Балмашев жил в Саратове, приехав сюда из Киева, т. е. приблизительно с конца января по апрель 1902 г. Приехав в Саратов, С. В. Балмашев, по своей энергичной и деятельной натуре, не мог сидеть сложа руки. В то время было здесь несколько — теперь соединившихся — организаций, но Балмашев, не присоединившись ни к одной из них, а также и к соц.-рев., начал работу одиночкой в незатронутой еще тогда движением ремесленной среде. Через короткое время он нашел себе несколько товарищей, и они решили организовать ремесленный соц.-демократический союз и, в виду отсутствия специально ремесленной литературы, издавать свой орган. Таковой вскоре и появился под заглавием: «Ремесленный Листок. Издание Саратовского Социалистического Ремесленного Союза. 1902 г.» (без №) — изд. гектограф. «Листок» имел целью, главным образом, заинтересовать ремесленников местной хроникой. Здесь можно обратить внимание на название ремесленного Союза социалистическим. В данном случае инициаторы Союза ни при чем: название социалистический принято по предложению некоторых ремесленников, мотивировавших свое предложение тем, что в такой нетронутой среде это слово известно хоть понаслышке и больше возбудит внимание. Самое содержание этого выпуска «Листка» не может возбуждать сомнения в том, что ремесленникам отнюдь не проповедывались «истины» соц.-рев. В нем статья «Как наши ремесленники могут улучшить свое положение?» принадлежит перу С. В. Балмашева, и в ней изложена вкратце история ремесленного движения в городах южной и западной России (каковое движение всегда было соц.-дем.). Сам С. В. Балмашев говорил, что участвовал в Киеве в соц.-дем. ремесленном движении. Через некоторое время инициаторы Союза нашли возможность увеличить число членов некоторым числом интеллигентов соц.-демократов и тогда была окончательно выработана программа организационной и литературной деятельности Союза, который, приняв название соц.-дем., выпустил несколько изданий, в том числе иллюстрированный (гектогр.) № 1 «Ремесл. Листка», экз. которого своевременно был послан в ред. «Искры».

Собственно деятельность С. В. Балмашева в ремесл. Союзе была весьма энергична. Он сразу занимался с не-

Г. Ю. Гарденин, действительно, показал нам нечто весьма поучительное. Жаль только, что это нечто говорит не против нашей «догмы», а наоборот, против него самого и его единомышленников.

Взглянем хоть на Венгрию. Здесь, прежде всего, надо заметить, что огромное большинство крестьян обладает совершенно незначительными поземельными участками и потому не может существовать доходом со своих участков. Венгерские крестьяне вынуждены продавать свою рабочую силу крупным землевладельцам. По знакомой уже нам терминологии Конрада, их надо называть не крестьянами в собственном смысле этого слова, а обладателями парцелл. Но поскольку обладатель парцеллы продает другим свою рабочую силу, постольку он перестает быть самостоятельным производителем и делается пролетарием. И именно по этой причине ему вообще гораздо легче целиком перейти на точку зрения пролетария. Чтобы перейти на нее, ему надо только потерять надежду на улучшение своего положения в качестве собственника микроскопических средств производства и сосредоточить свои усилия на защите своих интересов, как продавца рабочей силы. А раз он перешел на точку зрения пролетария, сама логика борьбы рано

или поздно приводит его к мысли об устранении капиталистических производственных отношений, т. е. к социальной революции. Пример венгерских обладателей парцелл* подтверждает это с изумительной ясностью.

В 1890 году в Венгрии считалось 1.440.000 крестьян, участки которых были меньше пяти ихов (иох — полдесятины с небольшим). Но тамошние сельскохозяйственные условия таковы, что даже десяти ихов недостаточно для прокормления средней крестьянской семьи. Венгерские крестьяне — как мы уже сказали — полупролетарии по своему экономическому положению. Эти полупролетарии арендуют у крупных землевладельцев землю из доли урожая или за отработки или же занимаются на земляные работы, предпринимаемые для регулирования течения рек. Однако условия арендования земли все более изменялись в течение последних десятилетий к невыгоде крестьян. Развитие сельскохозяйственного капитализма уничтожило старые полупатриархальные отношения между крестьянами и крупными землевладельцами и научило некогда нерасчетливых

* Французы называют очень маленькие земельные участки носовыми платками.

сколькими кружками ремесленников и имел у них успех, приобретая, как лектор и руководитель, полное уважение. Между прочим, можно привести такой случай, который характеризует отношение С. В. Балмашева к делу рем. Союза. Однажды он назначил собраться большому кружку рабочих, чел. в 30, на одной квартире. Придя туда раньше всех, С. В., к огорчению своему, узнал, что в данное время они не могут заниматься на этой квартире. Что было делать? Он стал ждать на улице и первым прибывшим рассказал, в чем дело, и предложил идти к нему, чтобы не пропал вечер, хотя это и было не совсем удобно. Приунывшие было рабочие оживились, пошли навстречу другим, и все направились на квартиру к Ст. Вал., приняв известные меры предосторожности. И по сейчас многие из них с грустью вспоминают своего учителя, которого постигла такая мученическая участь. Ни товарищи по организации, ни ремесленники никогда не слышали от С. В. Балмашева проповеди идей соц.-рев.

Его отъезд из Саратова собственно не был неожиданностью для членов Союза; в последнее время его стала беспокоить полиция по киевским делам, и он несколько раз говорил, что ему, пожалуй, придется уехать. Но никто не слышал от него о его замыслах. Правда, он говорил, что ему надоела жизнь, что он устал, — и весьма вероятно, что это и имело влияние на его решимость. Некоторое время жил он в Саратове нелегально, а затем, достав частным образом 350 руб., уехал. И слышали о нем только на второй день после выстрела в министра, хотя еще долгое время не верили, что стрелял именно Ст. Вал. Обошелся ли он в своем предприятии этой суммой или достал еще где-нибудь, кроме Саратова, неизвестно.

Таким образом, имея в виду эти факты и другие, которых оглашать пока неудобно, является полная возможность заявить, что Ст. Балмашев не был соц.-рев. и действовал не от организации, а по чисто субъективным побуждениям и личному чувству.

Члены бывшего Сарат.

Соц.-Дем. Ремесл. Союза.

О ПОСТАНОВКЕ ПРОПАГАНДЫ В КРУЖКАХ.

(Письмо к товарищам.)

«Нам нужны товарищи, которые смотрели бы на нас как на равных и учили бы всему» («Приложение к „Откликам“, № 1) — прочел я недавно эти слова рабочих и лишний раз задумался о постановке занятий в рабочих кружках. Захотелось поделиться запросто с товарищами своими мыслями на этот счет. Кого собственно хотим мы выработать из своих слушателей? Не ясно ли, что революционеров, соц.-демократов? От революционера же соц.-демократ мы в праве ожидать правильного понимания задач партии и, кроме того, как от члена боевой армии — умения проводить эти задачи в жизнь, бороться за них. Занятия в кружках обычно носят слишком академический характер. Вспомните слова рабочего: «Учи нас, как в бой идти!» Рабочий, который, несмотря на опасность, идет в наши кружки, прежде всего — борец, у которого уже много накопилось на душе, и наша задача развернуть силы и способности этого борца, вложить в его руки острооточенное орудие революционного социализма, научить пользоваться им. Я опускаю период предварительного знакомства с рабочим, когда убеждаются в его благонадежности, и беру период начала систематических занятий в кружке. Заметьте себе психологию рабочего, вступающего в кружок. Еще ранее он почувствовал всю безысходность своего положения, порой в его душу закрадывалось отчаяние и уныние от серой, тусклой жизни раба капитала; он не мог примириться с своей долей и, быть может, долго тщетно искал выхода. Это желание превратилось в его страсть... Он слышал не то правду, не то легенды о старых революционерах, о каких-то кружках, а может быть, и о нашем комитете. Революционная деятельность рисуется чем-то таинственным и вместе с тем таким высоким захватывающим, от чего так легко забыть муку жизни... И вот он, наконец, в кружке, он ждет вашего слова. Многим пропагандистам, наверное, памятно это выражение ожидания на лицах многих слушателей. Начните с того, чего он ждет, с истории нашей борьбы. Страницу за страницей раскрывайте перед слушателем историю нашей борьбы, дышащую кровью, зовущую к отпущению. Две вечно враждебные силы встают перед ним: самодержавное правительство и революционеры, два чуждых друг другу мира. Чем дальше идет рассказ, тем сильнее разгорается ненависть слушателей к этому проклятию нашей родины;

магнатов расчетливости: отработки становились все тяжелее, а достававшаяся крестьянам доля урожая постоянно уменьшалась *. На этой экономической основе и возникла та, временами очень ожесточенная борьба классов, которая чрезвычайно сильно содействовала проникновению в крестьянскую среду социалистических учений. Мы видим, что во всем этом пока еще нет ровно ничего противоречащего нашей «догме». Но главный вопрос заключается в том, какие требования выставляют в своей борьбе венгерские полупролетарии. Характером этих требований определяется весь характер их движения. А эти требования были очень определенно сформулированы двумя крестьянскими конгрессами, один из которых состоялся 31 января — 2 февраля 1897 г. в Будапеште, а другой 14 — 16 февр. того же года в Чегледе.

Будапештский конгресс выставил требования двойного характера: одни из них касались правового положения венгерского сельскохозяйственного работника (всеобщее, равное и прямое избирательное право; свобода стачек;

свобода передвижения; уничтожение устава о найме прислуги и т. п.); другие относились к условиям продажи работником своей рабочей силы (сокращение рабочего дня; расширение законодательства, охраняющего интересы рабочего, и распространение его на сельское хозяйство; назначение сельскохозяйственных инспекторов и т. д.). В обоих случаях представители мелкого крестьянства целиком становились на точку зрения пролетариата, и во всем их поведении не было ровнехонько ничего, могущего хоть немного поколебать марксову «догму». Совершенно наоборот: когда эти представители, заканчивая список своих требований, объявили себя социалистами, венгерские социал-демократы могли без всяких колебаний и оговорок признать их своими «ортодоксальными» товарищами.

То же приходится сказать и о конгрессе в Чегледе. Хотя некоторые из заседавших там представителей мелкого крестьянства, повидимому, были отчасти заражены анархизмом и даже антисемитизмом *, но в своих решениях и этот конгресс показал себя чуждым того мелкобур-

* «Zwei sozial-demokratische Bauern Kongresse». «Neue Zeit». 15. Jahrgang, I. Band, S. 811 sq.

* «Von der Bauernbewegung in Ungarn». XVI. Jahrgang, I. Band, S. 691.

мысленно пережитая жизнь революционеров тесней привязывает их к революционной семье. «То сердце не научится любить, которое устало ненавидеть». Сколько надежд, мечтаний, сколько страданий пронесется перед кружком! Рассказ следует сопровождать чтением отрывков из нелегальной литературы*. То, что слушатель считал полуполюгеной, оказывается действительностью; вот он — тот мир, о котором мечтала его честная душа, к которому он рвался... Быстро сроднится он с этим миром. Перед ним пройдут образы настоящих, закаленных революционеров; он увидит примеры революционной стойкости на допросах, судах, при самых тяжелых минутах (жизнь Халтурина во дворце, последние дни работы С. Перовской) вплоть до смертной казни (Осинский, Желябов и др.). Самая атмосфера этой жизни, которая так или иначе сообщается слушателям, закаляет их... Но вот 1 марта 1881 г. и быстрая затем гибель партии Н. В. Партия, казавшаяся могучей, блиставшая самоотверженными борцами, разбита наголову правительством; оно торжествует, справляет дику во вакханадию над трупом поверженного врага**. Аудитория замерла. Она пережила начало борьбы, подъем деятельности, она ждала конца этой борьбы, всем сердцем желала победы... и проводила героев на казнь. Вот и последнее письмо С. Перовской к ее матери... Многое пережила аудитория, и если в ней царит теперь молчание, то это не молчание засыпающих. Этот момент подобен моменту мертвой точки махового колеса. Почему же, почему же их разбили? не разобьют ли и нас? — читаете вы в глазах слушателей, и вы раскрываете причины неудач прежних революционеров, освещаете отдельные моменты борьбы и показываете логическую неизбежность подобного конца***. Вы указываете на необходимость для революционно-социалистической партии опираться на массы, на широкое массовое движение. Это послужит переходом к истории и учению социал-демократии. Дав отрицательный анализ, вы указываете необходимые элементы побед-

* Тун, «История рев. движения в России»; Степняк, «Подпольная Россия», «Андрей Кожухов»; Бурцев, «За столетие»; Деб.-Мокриевич, «Воспоминания».

** Чтобы соблюсти последовательность в рассказе, можете справляться по брошюре «Красное знамя в России».

*** С этого места пособием может быть «Красное знамя в России». Можно прямо читать по ней с объяснением.

жуазного социализма, точкой отправления которого является утопическое стремление поддержать мелкую собственность на средства производства. Выставленные этим конгрессом требования имели в виду интересы сельскохозяйственного рабочего, как пролетария, а не как мелкого собственника. Это хорошо видно из категорического заявления Чегледского конгресса насчет того, что все рецепты, придумываемые для спасения мелкого землевладения, являются пустыми обещаниями или в лучшем случае бессильными паллиативами. Конгресс объявил себя солидарным с социал-демократией именно потому, что убедился в невозможности остановить упадок мелкого землевладения*. В качестве закоренелого «догматика» пишущий эти строки очень хотел бы, чтобы защищаемая им «догма» почаще опровергалась так, как опровергли ее мелкие крестьяне Венгрии на Будапештском и Чегледском конгрессах.

Впрочем, зачем ограничиваться этими двумя конгрессами? Все последующее движение венгерских крестьян совершилось именно в том направлении, которое так ясно обозначилось в Будапеште и Чегледе. И неуди-

ного движения. Короткая, но уж богатая история соц.-дем. движения убедит в том, как много успела сделать русская соц.-демократия. В истории соц.-демократии следует остановиться на периоде экономизма, когда русские соц.-демократы, исходя из абстрактных понятий марксизма, выводили упрощенную программу борьбы, забывая о национальных задачах русской соц.-дем., даже о главной из них — свержении самодержавия. Понятие борьбы за свержение самодержавия следует расширить до понимания борьбы со всем отживающим полукрепостническим порядком нашей страны. Впоследствии, исходя из этого положения, вы разовьете перед слушателями аграрную программу русских соц.-дем. После этого вы подробно излагаете учение научного социализма. Это не требует пояснений, так как более или менее удачно ведется и теперь. Но наше движение не ведется в пустоте. Рабочая партия, это — одна из политических сил России, наряду с ней существуют другие. В кратких чертах следует обрисовать задачу и тактику этих несоц.-демократических направлений, особенно их отношение к освободительной борьбе пролетариата. Параллельное сравнение еще резче оттенит точку зрения соц.-дем. партии пролетариата. Говоря о современной России особенно серьезное внимание следует обратить на те «межсословные узлы политических интересов» различных слоев населения, в которых эти интересы переплетаются*. Рассмотрев мотивы, руководящие в борьбе, казалось бы, часто за одни и те же требования, следует показать все величие стремлений борющегося пролетариата и его передового отряда, соц.-дем. рабочей партии, — этого авангарда русской оппозиции. Ваши слушатели должны глубоко это продумать.

Итак, вы проследили исторический генезис русской соц.-демократии, вы раскрыли задачи и содержание нашей партии, подвергнув ее, так сказать, перекрестному допросу со стороны других фракций. Этим вы дали вашей аудитории теоретическое оружие, но вы не должны забыть еще, что наша партия есть борющаяся армия, а не клуб для собеседований. Уяснив, за что бороться, вы должны детально показать, как бороться. Исходя из принципиальных положений соц.-дем., вы развешиваете тактику партии в ее целом. Внутренний характер деятельности партии определяет ее отношение к непролетарским слоям населения. Особенно отчетливо следует представить

* Аксельрод, «Взаимное положение либеральной и социалистической демократии»; «Современная Россия».

вительно, что на своих позднейших конгрессах они сумели сохранить точку зрения пролетариев. Для примера укажем на второй Будапештский конгресс (25—27 дек. 1897 года) и на конгресс южно-венгерских крестьян и сельскохозяйственных рабочих в Темешваре (в янв. 1898 г.)*.

Если, несмотря на все эти совершенно неоспоримые факты, г. Ю. Гарденин все-таки пытается сконфузить русских марксистов ссылками на Венгрию, то нам остается предположить одно из двух: или этот развязный сочинитель не понимает ни того, что он оспаривает, ни того, на что ссылается, или он рассчитывает на легкое верие своих читателей. Какое бы из этих двух предположений ни было ближе к истине, несомненно то, что его статья посягает на его самого, а вовсе не сторонников марксовой «догмы».

[Г. Плеханов]

(Продолжение следует.)

* «Von der Bauernbewegung in Ungarn» II, 691 и 692. Заметим, однако, что на втором Будапештском конгрессе большинство представителей состояло из безземельных сельскохозяйственных поденщиков.

* Paul Engelmann, I. c., S. 817.

отношение русских соц.-демократов к крестьянству и в этом месте будет вполне уместно изложение аграрной программы, причем хорошо бы посвятить особую беседу как теоретическому рассмотрению вопроса, так и возможной практической работе в деревне. Во многих местах нашего отечества эти беседы должны вызвать самое оживленное отношение, как это можно заключить по некоторым письмам в «Искре» (см., например, письмо из Орехова-Зуева).

После этого остается рассмотреть орудия борьбы. Значение каждого орудия (газета, листки, стачки, демонстрации и проч.) рассматривается как отдельно, независимо от других, так и в их общей связи; легче всего последнее изобразить в виде примерной деятельности комитета в частности и партии в общем, вплоть хотя бы до момента вооруженного народного восстания, к возможности которого мы должны теперь же готовить рабочих. Выражаясь, может быть, шире, мы скажем: последняя часть наших занятий сводится к выяснению организационных и технических вопросов нашей партии. Как известно, обсуждение этих вопросов всегда принимается с живейшим интересом. Остановимся также на моменте свержения самодержавия, с целью показать и уяснить всю его серьезность и важность для пролетариата. Здесь перед слушателями откроется созидательная работа нашей партии и ее борьба за окончательное освобождение пролетариата. Рабочим должно стать ясным все огромное значение для классового пробуждения пролетариата организованной соц.-дем., вся ее необходимость в деле отстаивания его интересов *. Выразителем идейных стремлений партии служит газета, и рабочий должен знать ее, уметь понимать ее. Поэтому, в связи с изложенным планом занятий, я ставлю систематическое чтение газеты в кружке. Чтение газеты дает возможность лишний раз вспомнить сказанное уже на занятиях или же при помощи фактов, сообщаемых газетой, живее осветит некоторые вопросы. Это чтение устраивается не в очередь обычных занятий, пользуясь для этого хотя бы днем получения свежего номера газеты. Полученный номер сначала прочитывается комитетом и обсуждается, каким образом наилучше использовать полученный номер в целях пропаганды и агитации. То же делается в рабочем подкомитете и пропагандистском совете. Запасшись советами товарищей, пропагандист устраивает чтение. Богатый по содержанию, каждый номер «Искры» дает пропагандисту возможность ввести своих слушателей в круг замечательно широких интересов. Возьмите хоть 30 № «Искры». Прочтите «Осенние итоги» и подумайте, сколько вы можете сообщить кстати своим слушателям. Вы можете изложить перед ними неудачную попытку Александра II ввести «суд скорый, правый и милостивый для всех»; последовавшее затем уродование и без того не идеального суда и подробнее осветить мысль автора, что законность и самодержавие — исключают друг друга понятия, а дойдя, при конце номера, до иностранного обозрения, стачки французских рабочих, укажите, что рабочий вне закона вообще в буржуазном обществе. Ряд приговоров по политическим делам дает повод вспомнить историю судебных политических процессов. Прочтите кстати речь на суде кого-нибудь из товарищей, напр., речь Мышкина. Идет дело о либеральном течении, — познакомьте подробнее с ним, выясните взаимное наше положение, сошлитесь на факты. Зубатовщина в Петербурге — поставьте вопрос, как следует бороться с ней. Рабочие, поняв вредное значение зубатовщины для их освободительного движения, сумеют многое найти против нее. Но самое главное, что рабочий уже в кружке будет думать о задачах комитета и стремиться помочь осуществлению их. — «Борьба направлений — пожива демагогам» вскрывает большое место в жизни нашей партии в настоящий момент ее роста; не раз и не два принуждены вы будете остановиться на этом, чтобы слушатели по достоинству могли оценить этих людей, которые, по верному замечанию одного товарища, «свою судьбу строят на несчастии партии». Полемика с этими элементами, главным образом, затрагивает чрезвычайно важную область вопро-

сов организационных; полемика значительно уясняет эти вопросы. Заметка о терроре, по всей вероятности, еще и еще раз возбудит прения; так же, как и заметка об «отрезках». Ростовские события сами собой просят вашей оценки. Пропагандисту должна быть хорошо известна история соц.-дем. движения, особенно внимательно он должен следить за деятельностью всей партии в настоящий момент. Он должен подвергать разбору деятельность комитетов в частности и партии вообще, не останавливаясь, когда нужно, и перед резкой критикой; но, критикуя, он должен, по возможности, указать и надлежащий путь. В отделе корреспонденций вы всегда найдете достаточно материала о том, как и что следовало бы сделать в таком-то и таком-то случае. Это будет развивать в рабочих сметливость, и они яснее поймут тактическую точку зрения соц.-дем., преломленную в русской действительности. Извещение социалистического Бюро можно связать с историей Интернационала и новейшими попытками закрепить моральную связь между отдельными членами нашей великой международной семьи. Петербургский раскол конкретнее уяснит нам организационные разногласия... Я далеко не исчерпал всего, что можно и должно сказать при чтении взятого номера «Искры». Пересмотрите несколько номеров, и вы увидите, что каждый номер дает подобную возможность. Вечер не только не может быть скучным, но у вас едва хватит времени ответить на все и всем. Разумеется, в один вечер вы это не сможете сделать, но систематическое чтение нескольких номеров позволяет это, и через несколько вечеров вы многое будете уже только вспоминать, останавливаясь подробно лишь на новых вопросах. Следя за жизнью партии, вы оцените способность «Искры» отзываться на нее; когда же почувствуете недочет, спешите, как настоящие друзья вашей газеты, указать ей на него. Кроме того, обращайтесь внимание членов кружка на удачные корреспонденции или на их недостатки: научить обслуживать газету материалом — одна из наших задач; тем самым рабочим еще ближе будет газета, когда они будут работать над ней. Так, тесней и тесней жизнь вашего кружка будет сплетаться с жизнью партии.

Таков общий основной план занятий. Предлагая его, я не хочу сказать, что не надо говорить о дарвинизме, о том, как создан мир, о крестовых походах и других вещах. Я хочу лишь указать на то, что мы обязаны, как соц.-демократы, сообщить нашим слушателям. Учитесь всему! Но надо принять во внимание, что времени-то обычно у нас немного и редко удается провести полный законченный курс, поэтому не следует его чрезмерно расширять. Закончив же основной курс, не только можно, но желательно сделать к нему ряд дополнений: из истории европейской соц.-дем. и революционного движения, несколько очерков из истории, о религии и т. п. При таком способе прекращения лекций (что все-таки случается обыкновенно не в самом начале) не лишит их своей цельности. Конечно, эти отдельные беседы должны связываться с общим курсом. Пользуясь набросанными общими положениями, вы сможете расширять или сужать ваш курс по условиям места и времени. Но, сохраняя остоу этих занятий, вы всегда сможете дать слушателям законченное целое.

Чтение «Искры» указанным способом должно рекомендовать и вне связи с правильными занятиями в кружках. Так и делается в некоторых местах. В этом случае чтение, соединенное с беседой, является способом занятий по кружкам. Ваши слушатели после прочтения «Искры» в кружке могут с успехом организовать чтение в более широких размерах (по числу участников), могут воспользоваться «Искрой» как агитационным орудием. Этим самым ваши слушатели будут двинуты по пути развития в них самостоятельности, о которой так много толкуют те, кто для этого ничего не делает; с другой стороны, агитация пойдет глубже, живее. Учитесь пользоваться газетой, как орудием борьбы, возможно больший круг революционных работников. Так, сопровождаемая живым словом, «Искра» пойдет, начиная с фабрики большого города, вплоть до самой глухой деревушки.

Северянин [В. А. Носков]

* В помощь пропагандистам комитет должен озаботиться составлением надлежащей библиотеки.

* * *

От редакции. Мы надеемся, что работающие на местах товарищи обратят на это в высшей степени содержательное письмо все то внимание, какое заслуживает предлагаемый в нем оригинальный план пропаганды в рабочих кружках. Было бы очень желательно, чтобы пропагандисты и рабочие, занимающиеся в кружках, поделились на столбцах «Искры» с товарищами теми доводами в пользу или против деталей этого плана, которые могли быть вынесены ими из личного опыта.

ИЗ

НАШЕЙ ОБЩЕСТВЕННОЙ ЖИЗНИ

В мире мерзости и запустения. 14 января Петербургская судебная палата приступила к рассмотрению дела о бывшем кронштадтском полицмейстере подполковнике Шафрове.

Мы не будем излагать подробностей этого замечательного дела, — отсылаем наших читателей к «легальной» русской прессе, где процесс Шафрова изложен очень обстоятельно. Мы остановимся только на особенно выразительных сторонах в деле бывшего полицмейстера и на некоторых выводах, которых подцензурная печать сделать не может, если бы и хотела.

В течение долгого ряда лет Шафров служил в петербургской и в московской полиции. Его поведение было таково, что обер-полицейстер отзывался о нем как о «первом взяточнике среди московских приставов» (остальные пристава отличались, следовательно, от Шафрова только меньшей смелостью размаха). Из петербургской полиции Шафров был удален за взятку, в результате которой половой Огнев, избитый хозяином, был выслан на родину, вместо того чтобы получить удовлетворение. Эта небольшая «заминка» в карьере не помешала Шафрову занять в 1896 г. пост кронштадтского полицмейстера. На запрос кронштадтского губернатора о Шафрове петербургское градоначальство ответило: «вышел в отставку по домашним обстоятельствам». В Кронштадте Шафров получил возможность развернуть все данные ему от бога таланты. Он распоряжался казенным денежным сундуком с такой непринужденностью, как если бы это был его собственный кошелек. Пристава, под страхом исключения, были обложены в пользу полицмейстера серьезной данью. Наградные деньги, поступавшие в пользу служащих пожарной команды, стекались к Шафрову. Городовые штрафовались на каждом шагу, — и штрафные суммы поглощались полицмейстером. Но особенным вниманием его пользовались дома терпимости. Он их лелеял, по собственному выражению, как отец родных детей. Разумеется, нежность полицмейстера не была платонической. Содержательницы притонов умели быть благодарными Шафрову за его «отеческое» отношение к беспатентной продаже спиртных напитков, ночной торговле и нередким уголовным «осложнениям». По остроумному замечанию одного из свидетелей, кронштадтские обыватели еще при жизни поставили своему полицмейстеру памятник, наименовав один из публичных домов, основанных при содействии полицмейстера, «Шафровкой»...

Чего же смотрели обыватели? Почему не жаловались? Некоторые жаловались. Но на чиновника у нас можно

жаловаться только «по начальству», а не в суд. Начальство же неизменно оставляло жалобы «без последствий». Лишь на четвертом году от начала его царствования прокурорский надзор произвел негласное расследование, которое подтвердило все жалобы. Казалось бы, теперь Шафрову уж наверно место на скамье подсудимых? Нисколько. Нужно добиться распоряжения начальника Шафрова, кронштадтского военного губернатора, на производство предварительного следствия. Но губернатор нашел, что предъявленные против Шафрова обвинения «недостаточны» и, что особенно великолепно, «основаны лишь на доносах неблагонамеренных людей». Губернатор все же произвел административное (т. е. полицейское, а не судебное) «расследование» обвинений, в результате которых Шафров оказался чище голубя. На этом дело могло бы и закончиться, как в большинстве случаев у нас бывает. Но прокурор судебной палаты не успокоился и обратился в правительствующий сенат. Не знаем, что побудило прокурора сделать этот шаг (весьма вероятно, что простые нелады с губернатором), — но Шафров все-таки оказался на скамье подсудимых...

Взаимное укрывательство не прекратилось и на суде. Допрошенный на дому в качестве свидетеля, вице-адмирал Казнаков дал от своего имени и, со слов бывшего петербургского градоначальника фон-Валя, о Шафрове лучшую аттестацию.

Шафров не выродок в своей полицейской «семье»*. Нет, в лучшем случае он лишь первый среди равных. Да, ведь, почти такими словами характеризовал оступившегося кронштадтского полицмейстера его бывший начальник!

И все эти Шафровы соединены во всесильный орден, связанный круговой порукой во имя взятки, во имя привилегии безнаказанно издеваться над обывателем. Столь частые теперь попытки «очищения» полицейских управлений ничего не изменят в «славных» традициях ведомства. Честный человек, попав в полицию, или развратится или уйдет из нее. «Орден» сильнее входящих в его состав членов. Спасение одно — в «предоставлении всякому гражданину права преследовать всякого чиновника пред судом без жалобы по начальству» («Проект программы Р. С.-Д. Р. П.», «Искра», № 21).

[Н. Троцкий]

«Представители земли» против рабочих. Теперь, когда работы «Комитетов Особого Совещания» подходят к концу, никто не станет отрицать, что наши земские либералы, в общем, проявили чрезвычайную сдержанность и умеренность в выражении своих политических пожеланий. Нельзя того же сказать о земских реакционерах. Там, где они имели за собой большинство, реакционеры громкогласно провозгласили свои крепостнические вождения.

В Смоленск[ом] губ. комитете, по словам «Русск. Вед.» (от 20 янв[аря]) рассматривалось предложение уездного Гжатского комитета в том смысле, что «высылка на родину рабочих, замеченных в фабричных, а тем более политических беспорядках, должна бы быть безусловно воспрещена, ибо вредный элемент развращает иногда население

* В середине 80-х годов прошумел процесс другого кронштадтского же полицмейстера Головачева, осужденного в Сибирь за целый ряд преступлений, из которых не последнее место занимали тоже сделки с домами терпимости.

целых волостей. Если проживание таких лиц в больших центрах нежелательно, то в деревнях оно совершенно не терпимо». Самым справедливым, по мнению Гжатского комитета, было бы пребывание таких лиц в рабочих домах английского типа, содержание которых должно ложиться на счет фабрик и заводов, создавших этот никому ненужный, вредный элемент».

Принудительное водворение в рабочие дома «английского типа» тех, кто отказывается покорно подчиняться капиталу, — вот как думают разрешить социальный вопрос представители реакционной помещичьей партии. И это в то самое время, когда орган этой партии «Моск. Вед.» грубо заигрывает с русскими рабочими и зовет их под ее знамена. Мы очень благодарны гжатским Собакевичам за их откровенность. Старайтесь, господа!

Поучительно также авторитетное указание на то, как влияет «городская» пропаганда на политическое пробуждение (по выражению Собакевичей — «развращение») русской деревни. Русская социал-демократия никогда не «шумела» о «мужике», не сочиняла для него особого «социализма» (за что и подвергается обвинению в бесчувственности), а между тем, именно ее работа «в городе» пролагает пути политическому движению в деревне.

Варшава. В годовщину казни пролетариатцев состоялись демонстрации в театрах. В Большом театре во время оперы «Тангейзер» несколько раз с галлерей раздались крики «долой царизм!», «да здравствует свобода!» и партер был засыпан листками политического содержания. Полиция сидела тихо. В другом театре, после того как были брошены листки, городской арестовал девушку и повел было ее в участок; какой-то молодой человек потребовал от городского отпустить арестованную и, получив отказ, пырнул полицейского ножом; тот упал, и оба молодые люди скрылись. Арестовано на галлее 40 чел., из них через два дня 35 выпустили, остальные сидят.

Саратов, январь 1903 г. Политика «сильной» власти г-на фон-Плеве прочно водворилась в Саратове. Все больше и больше стали практиковаться обычные приемы этой политики: провокаторство, шпионство, массовые аресты и обыски и подавление малейших проявлений общественной жизни. Не успело в обществе улеяться волнение и смолкнуть разговоры по поводу массовых ноябрьских арестов и суда над демонстрантами, как опять город был взволнован обыском городской управы и арестом очень уважаемого жителями члена управы А. В. Милашевского. Жандармы и шпионы дошли до страшной наглости: за некоторыми из обывателей сыщики ходили по пятам, пробирались на кухню и ловили на улицах прислугу, чтобы от нее узнать что-нибудь о подозреваемых; иногда шпионы переодевались женщинами и вступали в беседу с кухарками и горничными, стараясь выведать, что делают их хозяева. У матери одного из арестованных (Буланова) шпионы высмотрели при обыске, где лежат деньги, и через несколько дней после ареста сына выкрали более тысячи рублей из шкатулки с двойным дном.

После ареста Милашевского по городу стали распространяться самые невероятные слухи. Говорили, между прочим, что в скором времени предстоят обыски и аресты, которые захватят широкие либеральные круги. Вероятно, сами жандармы распространяют подобные слухи, чтобы терроризировать либеральное общество; последнее после убийства Сипягина боится, что, чего доброго, начнется чтение мыслей, и жандармы узнают, каким сочувствием встретило оно выстрел С. Балмашева. Губернатор Энгельгарт по поводу ареста Милашевского воскликнул: «Вот после этого и утверждай их членами управ! А еще жалуются, что за ними следят шпионы».

Из арестованных 1 ноября многие были выпущены через три недели, причем их даже не допрашивали, а только сняли фотографические карточки и предъявили ко всем обвинение в принадлежности к тайному сообществу, образовавшемуся в Саратове. Говорят, что начальник жандармского управления Померанцев был против освобождения арестованных, ссылаясь на то, что если

продержать их в тюрьме месяца три, то против каждого из них найдутся улики; в противном случае он в скором времени опять принужден будет произвести массовые аресты. Выходило, как в донесении губернатору чеховского градоправителя: «Винные за недостатком улик посажены в кутузку»... Впрочем, г. Померанцев отчасти прав, полагая, что против каждого обывателя, продержав его месяца три-четыре в тюрьме, в настоящее время можно найти улики в неблагонадежности. Кто не читает теперь нелегальных газет? Кто не возмущается современной политикой «сильной» власти? Кто из честных людей не желает, чтобы Россия, наконец, избавилась от своры шпионов, жандармов и провокаторов, с Плеве во главе? Вот в Пензе, напр., арестовали вполне благонамеренного прис. пов. Балдина только за то, что прис. пов. Тарасов, на квартире которого обнаружена была тайная типография, уезжая из Пензы, передал свои адвокатские дела Балдину. Последний уезжал в Петербург и обвинили в участии в тайной типографии. Балдин струсил и, оправдывая себя, рассказал, кто из его знакомых читал нелегальную литературу, кто собирал деньги и проч. Его оговор опять вызвал массовые аресты в Пензе. — Из арестованных в Саратове 1 ноября увезены в Петербург: В. Хотемкина, А. Рыков, Ф. Рыкова, Буланов, Милашевский, Сорокин, Шиллеров и два ученика земледельческого училища. Шесть учеников земледельческого училища перевезены в Царицынскую тюрьму. Воеводин, осужденный на 2½ года, увезен надвях в Крест: Доктора Ченькаева отправили на пять лет в Вологодскую губ. только за то, что он пользовался влиянием среди либеральных помещиков. Тюрьма очищается, чтобы принять новые жертвы во славу самодержавия.

Усиленная охрана у нас с 1 декабря не возобновлена *, но тем не менее обыски, аресты и высылки практикуются в самых широких размерах. Высылают, даже не представляя обвинений, без всяких допросов, — просто по распоряжению «законника» фон-Плеве. Так, высылают Дьякову, мать многочисленного семейства, с запрещением ей жить в Саратовской и смежных губ.; ей не разрешили даже поехать в ее имение Тамбовской губ. Высылают Каратаева и доктора Окиншевца, тоже без всякого допроса и с запрещением жить в 30 губ. Европ. России. Говорят, что это только начало. Предстоят массовые высылки. Жандармская оргия у нас в Саратове продолжится уже более года. Чего же она достигла? В самый разгар ноябрьских погромов оба существующие здесь комитета продолжали свою работу. Соц.-демократический комитет даже проявил именно в это время усиленную деятельность, — им выпущена была масса прокламаций: по поводу суда над демонстрантами, очень хорошо написанная прокламация к солдатам, прокламация о массовых арестах и проч.

Революционное настроение начинает захватывать все более широкие круги народа, и это, несмотря на то, что существующие в Саратове организации слишком ушли в мелкую и случайную работу пропаганды. Полицейско-жандармский режим давит не только радикальные элементы общества, но одинаково дает себя чувствовать всему народу и все более становится ненавистен самым мирным обывателям. При каждом удобном случае это вырывается наружу. Так, недавно, на студенческом вечере, где было более тысячи человек самой разнообразной публики, читалось воззвание студентов, сосланных в Сибирь (см. № 30 «Искры»), и 250—300 чел. с энтузиазмом подхватили крик: «Долой самодержавие!» Вслед за этим вечером, по распоряжению из Петербурга, был арестован пом. прис. пов. К. К. Мауров по обвинению в том, что он произнес на вечере речь и кричал «долой самодержавие». В этом случае козлом отпущения явился самый обыкновенный клубный кутила.

В январе же арестованы сестры Кудряшевы и произведен обыск у В. А. Балмашева; у него отобрали белье с метками сына; полицеймейстер от имени губернатора просил Балмашева не бывать на вечерах, так как его присутствие возбуждает публику.

* Теперь уже возобновлена, Ред.

Легальная общественная жизнь у нас вполне подавлена; писать из этой области почти нечего. Предполагавшееся празднование 200-летнего юбилея печати не состоялось, — литераторы решили в виде демонстрации от него отказаться, так как губернатор по распоряжению Плева, вычеркнул из программы празднования чтение резолюции с указанием на неотложную необходимость свободы печати. — Работы губернского комитета о нуждах сельскохозяйственной промышленности свелись к чтению и обсуждению записок губернатора Энгельгарда о травоянии, облесении, пьянстве и тому подобных вопросах, излюбленных в настоящее время русской бюрократией.

Самара. Местные либералы не проявляют особенного гражданского мужества. Правда, самарский уездный комитет о нуждах сельскохоз. промышленности поднял вопрос чуть ли не о земском соборе, но сделал это в крайне робкой форме и таким эзоповским языком, что усмотреть конституционную тенденцию в его резолюции можно было только через весьма и весьма увеличительные стекла. Судите сами: в виду насущности некоторых общеземских нужд, как-то — борьба с эпидемиями, эпизоотиями и пр. (буквальные выражения проекта), юридическая комиссия комитета выразила пожелание об учреждении общеземского органа. Когда представители особого мнения приперли к стене авторов проекта, они заявили, что под общеземским органом разумели периодические съезды земских деятелей. Глаже прошел вопрос о свободе печати и обучения. Этот же вопрос, поднятый в новоиспеченном местном либеральном учреждении — семейно-педагогическом кружке, вызвал бурю протестов со стороны людей, находивших, что поднимать «такие вопросы» не тактично. Поднят же вопрос о ходатайстве в пользу свободы печати в виду того, что совет общества затеял справлять 200-летний юбилей рабства русской печати. По мнению всех порядочных людей, единственно приличной формой чествования печати является демонстрация в пользу ее освобождения от цензурной кабалы. Но господствующие в кружке акцизные и банковые чиновники-либералы думают иначе и тех, у кого не атрофировано гражданское самочувствие, попросту отстраняют от обсуждения щекотливого вопроса о чествовании.

Нет, конечно, ничего удивительного в том, что губерн. предводитель дворянства (он же по закону и председатель земского собрания) Чемодуров принимает участие в юбилейном празднике жандармов и поднимает тост «за утирающих слезы вдовам и сиротам». Правда, положение земского деятеля обязывает, но странно было бы требовать политического такта от человека, пытавшегося в последнем земском собрании провалить вопрос о земских книгоношах из-за опасения заноса ими в деревню политической и социальной заразы. Гораздо более странно видеть в компании с жандармскими офицерами нового избранника земства, выбранного чуть ли не единогласно и при громадном рукоплескании в председатели управы — г. Ушакова. Но истине достоин занесения на позорные скрижали нашей общественности следующий факт. Есть в нашем городе земская фельдшерская школа, в которой преподают разные местные медицинские светила. Светила эти, исходя, очевидно, из того соображения, что их ученики и ученицы вечно будут у них в повиновении в качестве фельдшеров и фельдшерш, третируют их, как низшую касту, ругая «скотами», «коровами», «болванами» и т. п. Месяца два тому назад ученики одного класса не выдержали и заявили протест. В результате — увольнение трех «коновонов». Одновременно с этим, по требованию жандармов, из школы изгоняется за пропаганду среди товарищей ученик другого класса, причем увольнение мотивируется якобы нетрезвым поведением уволенного. Заседающие в разных просветительных учреждениях медики не постеснялись оказать приятельскую услугу жандармам. Исключение было санкционировано предс. управы Племянниковым. Но жертва произвола не пожелала молчать и наградила пощечиной директора школы доктора Гожанского. В результате — материал для уголовного дела.

Не отстает в выражении симпатий к полицейскому мундиру и молодое поколение. На вечере в пользу недо-

статочных студентов университетов молодежь «качала» местного полицмейстера.

Вышла и распространена четвертая прокламация Комитета партии «К самарским рабочим, крестьянам и всему самарскому обществу», написанная по поводу речи местного архиепископа, в которой разносили революционеры за то, что учат народ своеволию и грабежам. Кроме заводов и мастерских, прокламации были разбросаны на рыночных площадях, ходили по рукам в фельдшерской школе. Были обыски в железнодорожных мастерских. Арестованные на заводе Журавлева выпущены.

Томск. 6 декабря происходил бал технологий. Это день тезоименитства их имп. вел. и т. д. и бал должен был открыться гимном «Боже, царя...» И действительно с эстрады собрания грянул хор с оркестром — все встали; но в это время из противоположного конца зала, где столпилась масса студентов, послышались звуки другого мотива; не менее сильный хор запел «Сбейте оковы». Публика, удивленная и испуганная, повернулась спиной к исполнителям царского гимна. Оба хора пели дружно, и когда первый кончил, второй еще кончал, и когда он смолк, то раздались дружные аплодисменты. Манифестация прошла безнаказанно. Она была устроена Комитетом объединенных землячеств и организаций.

Иркутск. В первых числах января приехал сюда Кулябко-Корецкий — старик, совершенно слепой. Он прочитал в общественном собрании целый ряд лекций о положении Европы в XVIII и XIX веке. Первые три лекции о Франции: до революции, во время ее и после революции; одну — о состоянии Германии до конституции; одну — о Сербии и одну лекцию об Австрии. Последняя лекция была о французской коммуне. На последнюю собралось до 1.500 чел., настроение было приподнятое. Сейчас же после окончания лекции один студент из толпы стал читать адрес лектору. Окончить ему не пришлось, так как полицмейстер вскочил на сцену и потребовал прекратить чтение. В это время по всему собранию раздалась революционные возгласы и посыпались прокламации Иркутского Комитета. Полиции было мало, — полицмейстер и несколько городовых. Арестов не было. Читавший адрес скрылся. Теперь всех сыльных зовут в полицию и спрашивают, кто читал адрес. Демонстрация наделала много шума — всюду говорят об ней.

Из Красноярска от 21 января сообщают: Кулябко-Корецкий, читавший лекции в Томске и Иркутске, хотел прочитать их и здесь, но, благодаря иркутской демонстрации, нам не пришлось его услышать, так как он арестован и сидит в здешнем тюремном замке.

Екатеринодар. У нас в последнее время несколько раз были расклеены прокламации по поводу разных событий, между прочим и по поводу ростовских событий. 3 декабря произошел такой случай. Недалеко от полицейского управления шел молодой человек в казацкой бурке. Навстречу ему попался полицмейстер. Молодой человек уронил сверток, развернутый в платок; увидев полицмейстера, он сильно смутился и так неловко поднял, что из платка высыпалась масса (до 150) запечатанных писем. Полицмейстер остановил его: «Что это у вас? — «А тебе какое дело?» Полицмейстер взял одно письмо, другое... Оказались прокламации к казакам на малорусском языке, подписанные Р.У.П. (революционная украинская партия) с надписанными адресами по всем станицам. Молодой человек оказался служащим на городской бойне Григорием Ткаченко, перекочевавшим нынешним летом из Полтавской губ. Его арестовали и сейчас же сделали обыск еще у нескольких полтавцев. У учителя Семена Васильевича Петлюра нашли еще полтора таких же прокламаций с надписанными тоже адресами. Обыски были еще у служащего в городской управе Ив. Парфентьевича Бородиня, бывшего студента Н. В. Маслова, у городского ветеринарного врача И. Е. Крутикова (нашли нелегальную литературу) и пом. прис. пов. П. С. Ширского.

[Л. С. Федорченко]

СОБЫТИЯ В ФИНЛЯНДИИ.

В последней статье мы уже упоминали об одновременной вынужденной подаче в отставку пяти финляндских губернаторов, отказавшихся превратиться в послушное орудие русского сатрапа Бобрикова. Из опубликованного на днях в финляндской свободной газете «Свободное Слово» текста прошения об отставке четырех губернаторов мы видим, что злополучный вопрос о воинской повинности является причиной устранения и лучших финляндских губернаторов-граждан, как осенью он дал повод Плеве и его державному владыке произвести массовый разгром всех трех финляндских судов второй инстанции (гофгерихтов). Обрушители, уже заранее уверенные в том, что сострепанный ими новый «закон» о воинской повинности снова встретит достойный финского народа солидарный ответ, решили во-время принять надлежащие меры для его проведения. Бобриков еще в ноябре настроил два секретных циркуляра губернаторам, в которых он предписывает им энергично бороться с «подпольной агитацией и пропагандой» против проведения незаконного постановления о воинской повинности в нынешнем году (один из этих цирк. опубликован в № 15 «Освобождения»). В ответ на эти азиатские циркуляры упомянутые губернаторы вошли к сатрапу с достойными представлениями, которые, по их требованию, были доложены Николаю II. Последний, по наущению Плеве, приказал им подать в течение недели в отставку.

Мы уже упоминали в прошлый раз о предательской деятельности так называемой старо-фенноманской партии, которая на развалинах свободы своей отчизны сводит неуместные старинные счеты с либеральной «свенноманской» (шведской) партией и принимает милости и подачки от врагов своего народа. Такой своей политикой эта партия в значительной степени способствует уничтожению вековой финской конституции. К счастью, сия славная партия теперь находит приверженцев почти только среди карьеристов, спокойно занимающих должности только что увольняемых чиновников-граждан. Русское правительство уже давно почуяло будущих союзников в этой ожесточенной консервативной партии, которая всегда опиралась на такие реакционные социальные слои, как духовенство, мелкая буржуазия и крестьянство. Начав свой разбойнический поход, оно рассчитывало на могущественную поддержку старо-фенноманов, иначе оно вряд ли бы отважилось на такую безумную травлю маленького культурного народа. Еще правительство Александра III в своей финляндской политике следовало коварному принципу российского самодержавия: «разделяй и господствуй». Наглость нынешних бандитов, величающих себя русским правительством, в этом отношении, как и во всех остальных, не знает границ. В начале января жандармское «Росс. телегр. агентство» ошастливило нашу легальную прессу телеграммой о вышедшей в Париже на французском языке брошюре шефа тайной русской полиции в Париже Эммануэля «Россия и Финляндия». Это исследование написано обер-сыщиком по приказанию главы сыщиков, Плеве*. Напомним читателям конец этой телеграммы: «В Финляндии Россия является освободительницей** народности, угнетенной и обездоленной в продолжение веков завоевателями-шведами». В таком роде все это произведение «Росс. телегр. агентства», неоднократно уже игравшего провокативную роль в финляндском вопросе***.

Как на отрядный противовес недалёковидной и позорной деятельности старо-фенноманской партии, мы укажем на происходящий в настоящее время усиленный процесс

* Главный палач финляндской свободы давно уже занимается подобным заграничным и домашним издательством по финляндскому вопросу. Этим он старается противодействовать тем симпатиям, с которыми всемирная пресса следит за борьбой финского народа.

** Подобной «освободительницей» являлось правительство уже неоднократно: в Польше, Остзейском крае и т. п.

*** Чрезвычайно интересный вопрос о взаимных отношениях различных партий мы обстоятельно рассмотрим в особой главе нашей брошюры о событиях в Финляндии.

демократизации финляндской интеллигенции, начинающей, в лице своей передовой молодежи, интересоваться социализмом и примыкать к рабочей партии. Справедливость, однако, требует сказать, что финляндская рабочая партия, стоящая на легальной почве, до сих пор отнюдь еще не занимает особенно видного места в борьбе финского народа за свою конституцию. Несомненно, настанет момент, когда и финляндская соц.-демократия, подобно российской, пойдет в авангарде освободительного движения своей страны. Мы надеемся вперед больше посвящать внимания рабочему движению в Финляндии.

На днях вновь назначенный почтдиректор Финляндии, бывший помощник начальника отделения канцелярии Бобрикова, эстонец Ямалайцен, разослал по всем финляндским почтовым учреждениям секретный рескрипт о вскрытии писем. Он не «мог найти себе помощника среди чиновников почтового ведомства» и поэтому назначил одного чиновника из губернской канцелярии, отъявленного негодяя. Однако почтовая «реформа» Плеве еще далеко не проведена и, без сомнения, встретит упорное сопротивление со стороны всех честных финляндских почтовых чиновников.

Режим Бобрикова и Плеве построен исключительно на деморализации служащего класса и, в особенности, полиции. Достойный приверженец временщиков, нынешний гельсингфорсский полицмейстер Карлстед ухитрился в короткое время наполнить вверенную ему полицию настоящими бандитами, не останавливающимися перед грубым насилием и провокаторскими выходками. 5 февраля (нов. стилия), в национальный праздник Финляндии, день рождения знаменитого поэта Рунеберга, полиция грубо, хотя и без успеха, старалась помешать грандиозной иллюминации. Ей, правда, удалось потушить газовые «солнца» у памятника поэта, но зато она потерпела полное поражение при podobных попытках в частных домах.

Дикий произвол самодержавия в Финляндии побуждает, по нашему мнению, русский пролетариат открыто выражать свои симпатии этому энергично борящемуся с русским правительством маленькому народу. Финляндцы могут окончательно свергнуть с себя дикое, зверское иго лишь при совместной борьбе с российской социал-демократией против азиатского деспотизма. — Девиз наш «Долой самодержавие, да здравствует политическая свобода!» должен сделаться девизом всех жаждущих освободиться от невыносимого произвола русского правительства. Эти слова должны быть написаны на знаменах всех врагов российской тирании. Сим победишь!

[В. М. Смирнов]

1 февраля 1903 г.

ХРОНИКА РАБОЧЕГО ДВИЖЕНИЯ

ПИСЬМА С ФАБРИК И ЗАВОДОВ

Петербург. На ниточной фабрике Штиглица 23 января началась забастовка. Причина — длинный рабочий день (с 5 ч. утра до 8 ч. веч., один час на обед) и сокращение расценков. Требуют обычных 13 час. работы с полуторачасовым перерывом на обед, а также прибавки 1 коп. на аршин. Контора первоначально вступила в переговоры, но вмешался Клейгельс, и «по приказу градоначальника» 3.000 раб. рассчитано. Это не помешало другой фабрике того же общества примкнуть 28 января к забастовке.

Тверь. Тяжело положение тверских стеклянщиков. Все условия их жизни таковы, что хуже трудно представить. Обстановка, в которой им приходится работать, норма заработка заставляют многих в период безработицы предпочесть нищенское существование работе на стеклянном заводе Куровой. «Стеклянщик» в устах обывателей почти равносильно слову «золоторотец». Всего на стеклянном заводе Куровой работает около 200 человек. Большинство взрослых мужчин — мастера. Работают мальчики от 12 лет и женщины. Длина дня для разных родов труда различна: от 8 до 12 часов. Работают они

сдельно, по преимуществу бутылки, по расценку, утвержденному фабричной инспекцией. Высота заработка очень непостоянна, полтора рубля — максимум того, что можно выработать за день. Но часто выработка падает до нескольких копеек в день. Много посуды бракуется и уничтожается. Сплошь и рядом тому виной недоброкачественность материала, поломка горшка, в котором плавится стекло, или атмосферические осадки, которые протекают сквозь дырявую крышу, падают на не остывшую еще посуду, отчего та дает трещины. Немалое значение имеет, конечно, и прямая недобросовестность приемщика. За последнее время браковка сделалась совсем обычным явлением. Семейные мастера вырабатывают едва 20 к. в день. Кроме того, на заводе установлены «череды», в течение которых рабочие, замененные запасными, остаются без заработка. Гигиенические условия ужасны. Завод представляет из себя грязный, темный сарай, в котором без помехи гуляет ветер, а работать приходится в адской жаре.

Простужаются постоянно. Летом рабочим дозволялось в жары (чтобы предупредить полный упадок сил) купаться в небольшом прудике около завода. Прудик этот отравлен нефтью (рядом нефтяной склад). Собственно, в нем нельзя даже белье полоскать, а рабочие вынуждены купаться по 5—6 раз в день. Белье рабочих, купающихся в пруду, делается твердым, как крахмальное, и покрывается кристаллами какой-то соли. Эту соль — по общему мнению рабочих — выделяет из себя пот (!). И вот, когда униженные и ограбленные люди сделали попытку отстоять свои права, тверские представители власти усмирили их немедленно. Дело было так: на заводе издавна существовал «обычай» уплачивать не за все количество выработанных бутылок, а за произвольно взятое (из-за этого теперь ведется дело судебным порядком). Кроме того, как уже было сказано, сильно браковали при приемке, но бутылки не уничтожались, как полагается по закону, а под видом «третьего сорта» шли в продажу. Наконец, терпение рабочих лопнуло. Началось брожение, стали они собираться жаловаться фабричной инспекции. Администрация завода, очевидно, нашла для себя такой исход невыгодным. Рабочих позвали в контору и спросили, хотят ли они работать «третий сорт» бесплатно. Те, конечно, отказались. Дело было в конце июня, кончался срок найма. Несмотря на отрицательный ответ, данный рабочими, их всех записали на новый месяц... и все пошло по-старому. 2 июля рабочие сами отправились в контору и заявили, что они не намерены работать бесплатно «третий сорт». Управляющий предложил им не приходить на работу на следующий день. 3-го числа в обычное время пошли на завод и нашли там полицию, жандармов, прокурора и фабричного инспектора. Городовые ходили по квартирам и собирали запоздавших рабочих. Удивлению рабочих не было границ: шли мирно на работу — и вдруг полиция!.. Та стала расспрашивать, какой повод для стачки. Рабочие отвечали, что никакой стачки нет; что если они не идут на работу, то потому только, что завод оцеплен. Потребовали управляющего, тогда выступил полицеймейстер Киреевский, отъявленный мерзавец, изругал рабочих и, сбив одного с ног ударом кулака, он сказал, что теперь на заводе управляющий он, Киреевский, и с ним надо вести переговоры. Затем рабочих скоро оцепили и отправили в тюрьму. Там их содержали некоторое время (110 чел.), допрашивали, но не нашли состава преступления и выслали по месту жительства. Позднее их приняли всех обратно. Следует отметить сочувственное отношение обывателей к стеклянщикам. Полицию ругали на всех углах, в вагонах трамвая, на вокзале. Она сама чувствовала себя неловко. Местный комитет выпустил гектографированную прокламацию по поводу этой истории.

Вильна. 2 февраля еврейские рабочие хоронили своего умершего от чахотки товарища. Около 4 час. кладбище было наполнено толпой рабочих, достигшею 800 чел. Смотритель кладбища, почуявши, что в его мирном мертвом городе предстоит нарушение общественной тишины и спокойствия, сделал поползновение известить полицию. Обещание немедленно перерезать телефонную проволоку, соединяющую кладбище с городом, и угроза самого его «лишить свободы» — успокоили зрителя. Ворота были закрыты

на ключ, и один из рабочих произнес горячую речь над могилой покойного; речь была покрыта возгласами: «дойлой самодержавие!», «да здравствует пролетариат!», «да здравствует политическая свобода!». Посторонние слушатели, оказавшиеся на кладбище, рыдали, слушая эту речь и зараженные приподнятым настроением пролетарской толпы, собравшейся над могилой пролетария. С кладбища собравшиеся направились в город с пением революционных песен и «возмутительными» возгласами. Оторопевшие городовые не делали даже попыток остановить шествие и убедительно просили «не шуметь в их участке». Через центр города демонстранты беспрепятственно достигли рабочего квартала и здесь разошлись. Арестов не было. «Это рабочие добывают себе свободу!» — пояснил какой-то обыватель заинтересовавшейся публике. Если принять во внимание повод к демонстрации, не позволявший заблаговременно оповестить о ней широкие круги, и то, что похороны состоялись в будний для евреев день, то ее следует признать вполне удавшейся.

Ростов-на-Дону. Социал-демократическая работа в среде ростовских рабочих после окончания стачки заметно возрастает, несмотря на усиленный дозор «царевых очей». Особенно, конечно, работа идет быстрыми шагами среди железнодорожных рабочих, сыгравших в последних событиях роль передового отряда. Так, железнодорожные мастерские буквально наводнены «листками» Донского Комитета. Ежедневно старые «листки» сменяются «новыми». Продуктивность в этом отношении изумительная. Старик-рабочие давно уже не запомнят такого наплыва «листков» в будничное время. «Листики» производят на рабочих сильное, бодрящее впечатление. Но особенно сильное впечатление произвели на рабочих «листки» 3 января, выпущенные по поводу 200-летнего юбилея печати. Листики эти были озаглавлены «К гражданам» и в многочисленных экземплярах циркулировали также и среди обывателей-горожан. Они были разбросаны всюду и как бы знаменовали собой поздравление «с новым» революционным годом... «Листики» эти возбудили массу толков и разговоров среди разнообразных слоев местного городского населения, в глазах которых мало-помалу «гидра ростовской революции» — Донской Комитет — принимает импозантный характер. Среди мещанства, особенно, Донской Комитет окружен почти что мистическим ореолом. Совершенно противоположное настроение царит среди жандармерии. Здесь господствует уныние и растерянность. Подполковник Артемьев убрал отсюда в Кишинев за «ненадобностью», вследствие того, что не сумел «предотвратить» рабочих митингов и не успел «во время» перехватить «ораторов».

Л-ий [Леонский - Л. С. Федорченко]

Таганрог. Здесь забастовало 16 янв. из общего числа 850 чел. 750 чел. на металлургическом заводе Вильде и Невс и К°. Поводом послужил несвоевременный расчет (через 3 недели), практиковавшийся заводом уже не один раз. Рабочие требовали немедленного расчета за двухнедельный срок. Завод отказал. Тогда большинство оставило работы. Стачка продолжалась до полудня 20 января. Завод уступил. Стачка прошла мирно и без особых хлопот для полиции, так как здесь не оказалось никаких комитетов и даже просто «злоумышленников».

Томск, 22 января. Забастовка типографских рабочих. В типографии Орлова все рабочие взяли расчет, не работают уже неделю, в других типографиях только отделами не работают. Требования: сокращение рабочего дня, уничтожение сверхурочных работ, хорошее обращение; кроме того, в типографии Орлова — увольнение управляющего. У Яковлева сверхурочные работы отменены и во всех типографиях введено хорошее обращение. Было шесть арестов, после допроса все арестованные выпущены. Настроение рабочих приподнятое, во всех типографиях ежедневно разбрасываются прокламации.

Из бюллетеня стачки, издаваемого Томским Комитетом Сиб. Союза (№ 4, от 19 янв.), мы узнаем, что в типографии Яковлева в течение нескольких месяцев сверхурочные работы были обязательными (еще лишнее дока-

зательство полной несостоятельности той части закона 2 июня 1897 г., которая «регулирует» сверхурочные работы!). Другими поводами для недовольства являлись грубая ругань и, местами, кулачные расправы со стороны заведующих.

«Томский Ком.,—говорится в бюллетене,—в интересах развития политического сознания масс, решил воспользоваться благоприятным для массовой агитации моментом и за последнее время усилил свою деятельность среди типографщиков. Среди них во множестве распространялись прокламации, как специально им посвященные, так и предназначенные для заводов и общие; среди них распространялась литература и работало несколько агитаторов. Эта работа комитета привела к тому, что его призыв к стачке нашел живой отклик в сердцах рабочих».

Кроме рабочих типографии Орлова и Яковлева, в стачке участвовали переплетчики типографии Макушина.

По словам Комитета, несмотря на частно-экономические поводы к стачке, настроение рабочих революционное и «на сходах, в которых обыкновенно принимают участие все стачечники, сами стачечники держат политические речи, говорят о настоятельности и необходимости политической борьбы с самодержавием. Стачечники со второго дня забастовки настаивают на уличной демонстрации, и Комитету приходится из сил выбиваться, уговаривая рабочих выждать более удобного времени. Отдельные демонстративные возгласы, вроде „долгой самодержавие!“ на глазах полиции — обычное теперь явление».

Пермь. Начиная с сентября, в Мотовилихинском заводе начали появляться прокламации Пермского Комитета Росс. С.-Д. Р. П. Издано три прокламации: о поднесении подарков мастерам, о заигрывании начальства с рабочими и об усилении жандармской полиции в Перми и Мотовилихе. Начальство, заметив несомненные признаки возрастающего рабочего движения в Перми и в особенности в Мотовилихе, встревожилось. С одной стороны решили задобрить рабочих некоторыми мелкими уступками: уволили или перевели на другие места наиболее ненавистных мастеров, устраивают похоронную кассу и проч.; с другой стороны, в противовес революционной пропаганде и агитации, повели свою: попы говорят проповеди о пагубных увлечениях вредными идеями, инженеры на народных чтениях читают пресловутую брошюру генерала Богдановича «Душевное слово русским рабочим», земский начальник на волостном сходе в Мотовилихе произносит речь о смутянах, разбрасывающих и расклеивающих прокламации, угрожает тюрьмой, ссылкой и даже кровопролитием. Состав жандармского управления в Перми усилен тремя офицерами и пятью унтер-офицерами. Из Московского охранного отделения выписан отряд сыщиков в девять человек. В Мотовилихе значительно усилена сельская полиция»

Одесса. 14 декабря прошлого года в память декабристов у нас был устроен агитационный вечер, на котором присутствовало около ста человек. Оратор говорил о декабристах, после чего, в кратких чертах охарактеризовав всю революционную деятельность в России, перешел к современному соц.-дем. движению. Речь свою оратор закончил следующими словами: «Мы, правверные соц.-демократы, будем продолжать нашу борьбу теми же средствами, которые употребляли до сих пор». Пели революционные песни, читали стихотворения и разошлись поздно ночью.

Недавно у нас произошла стачка на зав. Бродского, которая была подготовлена соц.-революционерами. Стачка эта носила скорее стихийный характер, чем сознательный. Агитация велась здесь крайне нетактично. Агитаторы не старались подготовить некоторых сознательных, активных работников, которые в случае вспышки могли бы сознательно повести свое дело. А вспышки могут очень часто возникнуть при малейшем брожении в недовольных массах. Долго такой вспышки на заводе ожидать не пришлось. Директор завода выгнал одного рабочего за то, что тот просил следуемые ему залоговые деньги. Когда ра-

бочий прибежал к своим товарищам и рассказал им обо всем происшедшем, все вспыхнуло, и решено было, что они не пойдут на работу до тех пор, пока не будут отменены залоговые и наградные (так как заведено, что с каждого рабочего удерживают залоговые с полочки для того, чтобы он был прикован к заводу и не мог уходить, когда ему заблагорассудится; а наградные дают ему тогда, когда рабочий производит больше установленной нормы) и вместо двух смен введены три, чтобы рабочие работали по 8 ч. в сутки.

Если бы там было сознательное активное ядро, которое все могло бы ясно формулировать и поддерживать в массах дисциплину, то могли бы все это превратить в политический протест, как в Ростове. Но этого, к сожалению, не было. Прибыла полиция, казаки, жандармы; рабочие стояли три дня, а затем пошли на работу, ничего не выиграв. Около ста человек, которые упорствовали и не хотели идти на работу, выслано на родину. Человек двадцать пять арестовано. Рабочие выдают многих из интеллигентов. По этому поводу арестовали человека десять интеллигентов. Многие скрылись. В последнее время у нас были частые обыски; арестовано человек пятнадцать. На этой неделе выслали из тюрьмы многих арестованных. 17 января была выслана группа в 18 мужчин и 6 женщин. Когда их привезли на Большой вокзал, они были встречены железнодорожными рабочими, которые в числе 70 чел. пришли туда с целью устроить манифестацию по этому поводу. Манифестация при криках: «долгой самодержавие! да здравствует политическая свобода!» состоялась. Вмешались жандармы; арестовали шесть человек, которых на следующий день освободили.

Много шума в городе наделал бунт уголовных в тюрьме. Он начался 2 января, в 2 часа дня. Все камеры у уголовных были открыты. Когда некоторые политические хотели выйти разузнать обо всем, то уголовные не пустили их, и, крича: «мы сами справимся с ними», запретили им вмешиваться. Один из уголовных был убит и один ранен. Через два часа прибыли войска и водворили порядок. 3 янв. женщины-уголовные также устроили бунт, причем две из них поплатились жизнью. Из тюрьмы пишут, что «весь этот бунт был подготовлен низшей тюремной администрацией, чтобы этим показать высшему начальству города, что новый начальник тюрьмы на свою должность не годится. К тюремным надзирателям он относится очень строго и взыскательно».

У нас в Одессе неофициально начал свою деятельность Бунд. Приказчики, вчерашние сионисты, сегодня стали бундистами. Бунд собирается петь у нас на Юге национальные мотивы. О нем мы поговорим в другой раз.

Комитетом С.-Д. Р. П. были выпущены листки: «К приказчикам», «К рабочим пробочных заводов» и «К рабочим завода Бродского» (после стачки).

С. Коленцы (Пронск. у., Рязанск. губ.). В Пронском уезде есть села Истье, Столпцы, Коленцы... До 1861 года ими владели помещики и завели в этих селах фабрики и заводы.

С 1861 года крестьяне этих сел попрежнему остались на фабриках, потому что земли им не дали и хлебопашеством они заниматься не могли. В настоящее время Столпанская и Истинская фабрики и заводы закрываются, и рабочие остаются без всякой возможности жить и существовать в селах. Начинается голодовка, часть рабочих идет в города на фабрики, другие остаются владеть нищенское существование, пробиваясь кое-какими заработками. В Коленцах фабрики просуществовали дольше всех и только в последнее время начали сокращать штат рабочих, число которых теперь доведено до десяти, да и те держатся для того, чтобы можно было сказать крестьянам, что де фабрика еще пойдет, и тем избежать разгрома. Благодаря такому постепенному сокращению числа рабочих, число безработных дошло до высокой цифры и они в надежде на работу не приискивали себе занятий и не уезжали.

Теперь здесь царит ужасная голодовка. Все окрестные села наводнены нищими, в селе разламываются жилые помещения для топлива. Крестьяне обращаются за помощью к земскому, собирают ежедневно сходы, но из

этого ничего не выходит и голодовка принимает грандиозные размеры.

Недавно с Коленецкой фабрики отправили депутацию в Рязань к губернатору. Рабочие просили «хлеба и работы», но наш помпадур ничего не нашелся ответить и отослал их к фабричному инспектору.

Положение безвыходное, и можно ожидать печальных осложнений... возможно новое столкновение рабочих с войсками, наподобие бунта на Чулковских шахтах.

В настоящее время коленецкие рабочие наиболее восприимчивы к соц.-демократическим идеям, и желательно было бы, чтобы наши рязанские товарищи использовали момент в интересах социалистической пропаганды.

Ранее здесь велась агитация, на Истье и в Коленцах заводились кружки, циркулировала литература, но за последнее время движение заглохло, а между тем здесь богатая почва...

ИЗ ПАРТИИ

Организационный Комитет извещает:

- 1) Что представитель Бунда вошел в его состав.
 - 2) Что, кроме организаций, принявших участие в его образовании (орг. «Искры», Бунд, Петерб. Комитет и группа «Южн. Рабочего»), его исключительную инициативу по созыву съезда признали к 1 февраля след. Комитеты: Московский, Киевский, Харьковский, Екатеринославский, Донской, Сев. Союз, Одесский и Николаевский.
- Вторую же часть его задачи (выполнение временно — до образования Центрального Комитета — общепартийных функций) признали все упомянутые организации, за исключением Одесского и Николаевского Комитетов.

ОТКРЫТОЕ ПИСЬМО В «ИСКРУ».

Важнейшей задачей настоящего времени Северный Раб. Союз считает объединение российской соц.-дем. в партию, существующую фактически, не только номинально. Уверенность в благоприятных результатах объединительного движения могла стать общей, могла расшевелить местные комитеты и вывести их из доселе замкнутого состояния малопродуктивной, исключительно местной работы лишь после того, как экономизм, оппортунизм и прочие факторы нашей неурядицы стали стыдливо прятаться по немногим, еще не вполне освещенным углам. Такое положение вещей, позволяющее русским революционным соц.-демократам с надеждою смотреть на будущее и побуждающее их к работе с удвоенной энергией, создано в значительной степени, если не всецело, организацией «Искры» и «Зари» и ее литературными органами. Сев. Союз, будучи всецело солидарен с принципиальной и тактической частью программы «Искры» и «Зари» и с брошюрой Ленина: «Что делать?» и, за малыми, быть может, исключениями с организационными их взглядами, — признает «Искру» и «Зарю» органами Р. С.-Д. Р. П. Вместе с тем, Сев. Союз берет на себя задачу всяческого содействия организационной работе настоящего О. К. в деле объединения и укрепления Росс. С.-Д. Р. П.

Считаем нужным заявить, что вообще мы не видим основания для осуществления всяких порайонных организаций при наличии хорошо организованного партийного центра, способного равномерно выполнять организационные задачи в различных местностях России, в том числе и на Севере, в районе влияния Сев. Союза. Однако же, за отсутствием такового центра и отчасти благодаря местным особенностям и революционному прошлому Севера (части Севера, объединенного Сев. Союзом), существование объединенной организации последнего не только не должно вредить делу объединения российской соц.-демократии в единую партию, а напротив, облегчит эту задачу, поскольку отдельные северные комитеты находятся в сфере влияния Сев. Союза.

Северный Рабочий Союз 5.

ХРОНИКА РЕВОЛЮЦИОННОЙ БОРЬБЫ

Александрово. 25 дек. арестована и увезена в Петербург студ-ка Брюссельского университета Софья Файнберг. — Ревель. 15 янв. арест. раб. Мих. Калинин (в третий раз), аптек. помощник И. Элион и М. Блюмберг и железнодорожн. техник А. Титвелит (трое последних выпущены). — Петербург. В декабре арест. раб. Петерсон. — В Меленковск. и Муромск. уездах Владимирской губ. летом 1902 г. были арестованы народные учителя Диев, Киселев и Иванов; студент Соловьев, интеллигентка Шокина и еще несколько интеллигентов, крестьян и рабочих села Гусь. У крестьян найдена литература. В конце октября в Муроме произведен ряд обысков после появления на улицах города прокламаций. — Рига. 1 февр. арестован Эд. Штейн.

Сосланы по делу Спб. Союза борьбы (январь 1901 г.) на 3 г. в Вологодск. губ. технолог Самойлов, лесник Богданов, акушерка Щепотева; на 4 г. в Вятскую электротехник Мавромати; на 1 г. в Крест рабочий Егоров, курсистки Колачевская и Фессалоницкая приговорены к тюремному заключению. В Вологодск. губ. сосланы в последнее время: Алекс. Лебедева, бывшая курсистка, по делу о «террористическом сообществе в Самаре» (1901 г.) на 5 лет, нелегальная Марья Иванникова по соц.-дем. делам в Туле и Твери на 3 г., врач Ченыкаев и фельдшерница Обухова на 5 лет по делу о пропаганде среди крестьян Балашовск. уезда (февр. 1902 г.), по тому же делу сослано в Архангельскую губ. несколько крестьян, в их числе Арефьев, 70-летний старик (отец покойного революционера Арефьева), Борис Мойсеенко, студ.-горняк, на 3 г. по петерб. делу «Рабочего Знамени» в февр. 1901 г., ученик земледельческого училища Иванов на 3 г. по делу о пропаганде среди крестьян Чембарского уезда, Вячеслав Карпинский, арест. в апр. 1902 г. по делу Харьков. «Союза борьбы» под особ. надзор до приговора.

Бежали: Из Вост. Сиб. из села Елани рабочий Илья Виленский, сосланный, как наборщик «Южн. Рабочего», после 2½ л. тюрьмы. Из Вятск. губ. Заматин, арест. в 1901 г. в Киеве и приговоренный к ссылке в Сибирь.

ПОЧТОВЫЙ ЯЩИК

Эмбриону. Корреспонденция получена, отчего ничего не пишете?

Тоб... из Сиб. Ключ непонятен, а потому не разбирали письма, посланного вами на Вас... Пошлите по тому же адресу разъяснение.

Кашне. Просим возобновить сношения по старому ключу. Л. Х. Ч. передал нам временный адрес, по которому пишет вам. Ваше письмо получено, но не разобрано: сообщите ключ.

Лаврушке. Ваши адреса и свой ключ с вами нам передал Б., так что вы можете писать нам его ключом.

Одесскому рабочему. Письмо ваше получили — пойдет в следующий №.

Товарищам, обратившимся через посредство Ф.: все материалы по истории донского казачества и об его современном положении просим направить в редакцию. Постараемся удовлетворить все ваши пожелания.

Прокламация «военно-революционной группы» получена к концу настоящего номера и будет напечатана в следующем.

Заканчивается печатанием и на днях выйдет в свет Тун, История революционного движения в России.

За недостатком места отложен до след. номера отчет Сибирской кассы в Цюрихе.

Получено: от немецкого социал-демократа через латышского: для Организационного Комитета 200 мар., для «Искры» 100 мар.; от Ш. 112,05 фр.; тоже за литературу

17,30 фр.; из Винтертура 10 фр.; от Б—й 20 фр.; из Лондона 10 мар.; из Базеля сбор 4 фр.; от Цюрихской групп. от предприятия 21 фр.; из Москвы через Париж 100 р. и 3 р.; из Лозанны за литературу 175 фр.; от друзей для Орг. Ком. 101 р.; с 1 дек. поступило от Ю. Г. 75 р.; через Ю. Г. для «Искры» 82 р.; за литературу из Кременчуга 10 р.; за то же от Полт. Ком. 11 р.; «от друзей сев. захолустья» 80 р.; рабочие г. Полтавы передали в Ростов для ростовск. това-

рищей 23 р. 55 к.; туда же передано от группы интеллигентов 36 р.; от Ив. Петр. получено 20 р.

Со всеми требованиями на нашу литературу просим обращаться по след. адресу:

Herrn Axelrod, Zürich, Vogelsangstrasse, 9.

Типография «Искры».

П Р И М Е Ч А Н И Я.

Прим. 1. Речь идет о земских деятелях, подвергшихся репрессиям за оппозицию правительству. См. «Искра» № 28 «Воронеж. (Из частного письма.)» и № 29 «Исключение подтверждает правило».

Прим. 2. Лорис-Меликов М. Т. (1825—1888) — генерал, разбитый турками на Кавказе в 1877 г., а потом взявший у них Карс и получивший при заключении мира титул графа. После взрыва в Зимнем дворце, произведенного Халтуриним 5 февраля 1880 г., Л.-М. получил от Александра II диктаторские полномочия и был назначен сначала председателем верховной распорядительной комиссии, имевшей целью «положить предел покушениям на государственный и общественный строй и внести успокоение в общество», а затем с августа 1880 г. министром внутренних дел. 28 января 1881 г. Лор.-Мел. представил Александру II доклад, в котором доказывал, что для борьбы с крамолой необходимо «призвать общество к разработке необходимых для настоящего времени мероприятий», и предлагал созвать законосовещательную комиссию из выборных от тех губерний, где было введено земство, по два от губернии и города; из лиц по назначению правительством от неземских губерний, представителей центральных ведомств и из назначенных императором сведущих лиц. Эта комиссия обсуждает законопроекты, выработанные правительством, причем решения ее по этим законопроектам должны иметь лишь совещательный характер и поступают в Государственный Совет, который пополняется 10—15 человеками — «представителями общественных учреждений». Эта «конституция» имела целью ослабить либералов, подкупить либеральствующие круги буржуазии, чтобы затем путем репрессий расправиться с революционным движением. Убийство Александра II народолюбцами и отставка Л.-М. помешали проведению проекта лорис-меликовской конституции в жизнь.

Прим. 3. Фольмар Георг Генрихович (род. в 1850 г.) — один из вождей оппортунизма в германской социал-демократии, неоднократно избирался в рейхстаг. «Критик» Маркса в аграрном вопросе, доказывавший жизненность мелкого сельского хозяйства в его борьбе с крупным капиталистическим производством. Уже в 1891 г. на партийном в Эрфурте Ф. защищал оппортунистическую тактику, названную им тогда «новым курсом». После отмены исключительного закона социалисты Бебель и В. Либкнехт дали Фольмару самый решительный отпор. Но и впоследствии Ф. всегда стремился увлечь партию на путь оппортунизма и ревизионизма. В 90-х же годах он выступил с критикой К. Маркса в аграрном вопросе и в 1895 г. (на партийном в Бреславле) отстаивал ревизионистскую аграрную программу. Еще позже (на партийном в Эссене) он боролся против антимилиитаристской пропаганды, а на международном конгрессе в Штутгарте (1907 г.) он защищал участие социалистов в войне и заявил, что «вся любовь к человечеству не может нам помешать быть хорошими немцами». Во время войны 1914—1918 гг. Ф. сделался крайним социал-шовинистом, вошел в тесный союз с буржуазией и принял все меры к тому, чтобы вовлечь немецких рабочих в мировую войну.

Прим. 4. Псевдоним В. Чернова.

Прим. 5. Северный Рабочий Союз возник летом 1901 г. и руководил деятельностью Ярославского, Костромского, Иваново-Вознесенского соц.-дем. Комитетов и Владимирской с.-д. группы. Основателями его были В. А. Носков, О. А. Варенцова, Доливо-Добровольский и рабочий М. А. Багаев. Самой сильной организацией Союза была Иваново-Вознесенская, в которой образовался еще с середины 90-х годов «немногочисленный, но стойкий и опытный рабочий авангард». Союз организовал два съезда представителей — входящих в него организаций (в августе 1901 г. в Кинешме и в январе 1902 г. в Воронеже) и уже на первом из них было решено установить союзные отношения с организацией «Искры». Вопрос о признании «Искры» руководящим органом остался открытым вследствие колебания представителей Костромского Комитета, в котором существовали сильные примиренческие по отношению к «экономистам» тенденции. На съезде Союза в Воронеже, где в 1902 г. находилась группа социал-демократов (В. А. Носков, А. И. Любимов, Н. Н. Кардашев, Л. Я. Карпов и Д. В. Костерник), тесно связанная с «Союзом» и принимавшая участие в этом съезде, были обсуждены три основных вопроса: 1) программа Союза, 2) организационный вопрос и 3) выборы в Центральный Комитет Союза. Программа, принятая на съезде, отмежевывается от экономизма и др. видов оппортунизма, хотя и не осуждает их «решительно и прямо» (Варенцова), и, признавая конечной целью рабочего движения уничтожение капитализма, в качестве ближайшей и важнейшей задачи пролетариата выдвигает низвержение самодержавия. В программе были допущены важные ошибки (напр., отсутствовало положение о диктатуре пролетариата), и она в свое время подверглась, по замечанию т. Варенцовой, основательной критике со стороны заграничных искровцев. Но, в общем, эта программа показывала стремление съезда Союза стать на почву революционного марксизма. В Ц. К. Союза на съезде были избраны: М. А. Багаев, Н. Н. Панин, О. А. Варенцова, Вайсман и Е. Дюбюк. Помимо них и указанных выше, в работе Союза принимали участие: Е. А. Володина, В. С. Бубнов, Александр и Василий Заварины, М. С. Александрова, Зарохович (из Одессы), Г. Колесников, И. П. Александров, Б. П. Новицкая и др. Съезды очень содействовали сплочению организации и оживлению ее работы. Влияние «Искры» постоянно росло, и «Союз» в феврале 1903 г. официально признал ее и «Зарю» руководящим «органом» Р. С.-Д. Р. П., отметив некоторые разногласия в организационном вопросе. На II съезде Р. С.-Д. Р. П. представители «Союза» Ланге (А. М. Стопани) и Дедов (Лидия Книпович, по кличке «Дяденька») стали в ряды большевиков. В 1902 г. «Сев. Раб. Союз» очень сильно пострадал от набегов жандармерии, почти разгромившей его. Но борьба с оппортунизмом, начатая Союзом, не прошла бесследно. Комитеты и группы, входившие в Союз, и в последующие годы крепко держались позиции револ. соц.-демократии и оставались большевистскими. После II съезда Р. С.-Д. Р. П. Союз был переименован в «Северный Комитет Р. С.-Д. Р. П.» В июле 1905 года на конференции в Костроме он был окончательно ликвидирован. На место его встали отдельные Комитеты Р. С.-Д. Р. П. (Иваново-Вознесенский Костромской и Ярославский).